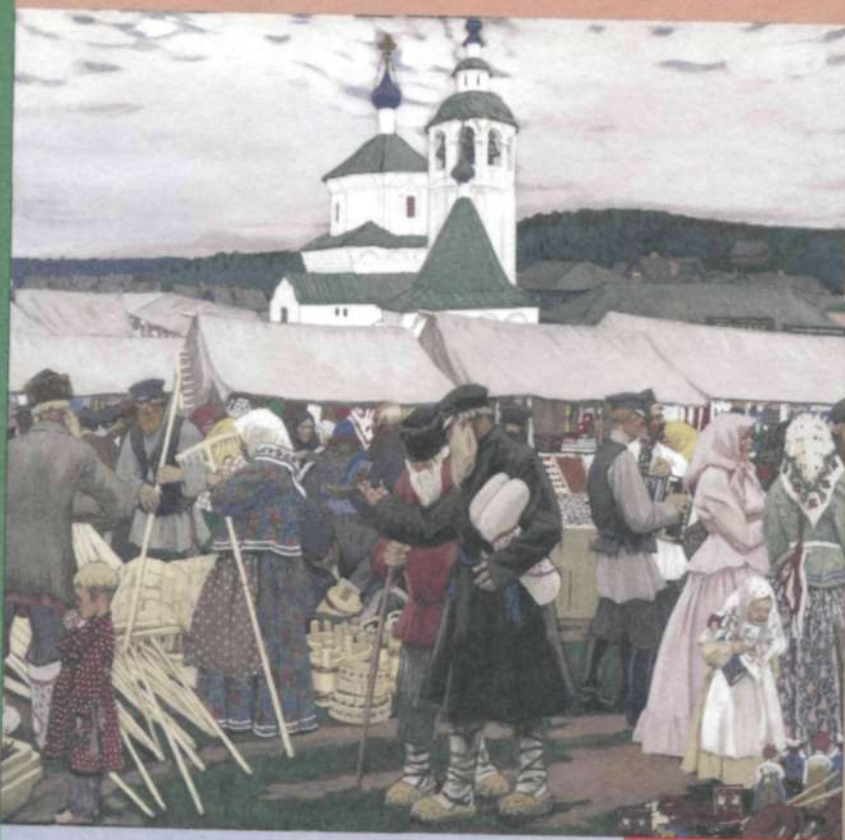

ЛИТЕРАТУРА

В. Я. Коровина

Часть 1

7

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. И. Шишкин. «Цветы на опушке»

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдём и сядем над корнями
Дерев, пойманных родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Ф. И. Тютчев

В. Я. Коровина

ЛИТЕРАТУРА

7 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных учреждений
с приложением на электронном носителе

В двух частях

Часть 1

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

20-е издание

Москва «Просвещение» 2012

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72
К68

На переплете — фрагменты репродукций картин
Б. М. Кустодиева

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106–5215/15 от 31.10.2007)
и Российской академии образования
(№ 01–249/5/7д от 15.10.2007)

Коровина В. Я.
К68 Литература. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. учрежде-
ний с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1 / В. Я. Ко-
ровина. — 20-е изд. — М. : Просвещение, 2012. — 319 с. :
ил. — ISBN 978-5-09-029002-9.

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-029002-9(1)
ISBN 978-5-09-029003-6(общ.)

© Издательство «Просвещение»,
2001, 2007
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение»,
1998, 2003, 2007
Все права защищены

ЧИТАЙТЕ НЕ ТОРОПЯСЬ...

В этом году вам предстоит познакомиться с новыми произведениями устного народного творчества, сочинениями русских писателей XIX и XX веков, с переведенной на русский язык литературой зарубежных стран.

С. Я. Маршак писал, что «литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова». Что это значит? На что надеется каждый автор? Писатели и ученые советуют читать внимательно, вдумчиво. Прислушаемся к их советам и рассуждениям...

* * *

...Книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

М. Горький

Читайте, читайте и читайте! Читайте не торопясь, чтобы не терять ни одной капли драгоценного содержания книг. Человек, «глотающий» книги, похож на путешественника, знакомящегося со страной из окна вагона. Заставляйте себя читать медленно, запоминая, обдумывая, представляя самого себя в гуще тех событий и той обстановки, какими наполнена книга, делая себя как бы их непосредственным свидетелем и даже участником. Только тогда перед вами до конца откроется созданный писателем большой и прекрасный мир...

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещенным и знающим.

К. Г. Паустовский

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку... то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происходящему с вами или с кем-либо другим...

Д. С. Лихачев

Если взять отзывы Пушкина о его современниках, то у вас создается впечатление, что он их переоценивает. Он хвалит не только Вяземского и Гоголя, которого сразу заметил. Но наряду с ними хвалит Туманского и Бегичева. Восхищается Дельвигом и Кюхельбекером. Почему? Они ему больше давали, чем нам. Способность усваивать, его внимательность к книге больше, чем у нас. И он умел от всякого взять полезное.

Мне часто приходилось видеть книги Льва Николаевича Толстого. Он не закончил среднего учебного заведения. Но знал немецкий язык, как немец. Хорошо знал французский язык. Немножко говорил даже по-цыгански. Он относился к книгам своим как к людям, которые будут ему нужны всю жизнь.

Я помню библиотеки Маяковского, Хлебникова, Блока. Все они читали по-разному. Блок знал много. И все время совершенствовал свое знание. Он знал античность. Он

умел готовиться к поездке. Перед тем, как куда-нибудь поехать, скажем в Италию, в Равенну, он читал, что же он там увидит.

Маяковский читал неожиданных для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него строки. Я даже запомнил: «Стихотворенья дух, высокий дух...». Здесь стихотворение — не в смысле написанное в стихах, а сотворение стиха. И Маяковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал строку Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал многих писателей и поэтов, он знал почти всех.

Иногда думают, что Сергей Есенин мало знал. Это неверно. Он знал много. Когда я с ним познакомился, ему было что-то около девятнадцати лет. Такой красавец из деревни. Он знал не только русских писателей, он знал французскую поэзию.

Виктор Шкловский

Поэзия всегда стремилась открыть в мире прекрасное, муками доказали поэты, как долог и тяжок путь к красоте, постижению смысла жизни.

Поклонимся же низко за эту благородную работу стихотворцу и пожелаем ему того, что желали странники Востока друг другу: «Торопись обрадовать добрым словом встречного, может быть, в жизни не придется больше повстречаться».

Виктор Астафьев

Вопросы и задания

1. Какие советы М. Горького, К. Паустовского, Д. Лихачева кажутся вам важными и каким из них вы следовали при чтении?
2. Прочитайте пословицы, объясните их смысл. Подумайте, как отражается в них отношение народа к чтению и книге: русская — «Не на пользу читать, коли только вершки хватать», немецкая — «В хороших книгах охотно роются», английская — «Выбирай писателей так, как выбираешь друга».

Известны ли вам другие пословицы на эту тему? Какие? Назовите и объясните их.

3. Рассмотрите внимательно учебник. Расскажите, с какими писателями и произведениями предстоит познакомиться впервые, какие справочные и изобразительные материалы помогут в этом.

Обратите внимание, что литературоведческие термины объясняются в кратком словаре терминов и в справочном разделе теории литературы. Сведения о писателях, художниках, литературоведах можно найти в справочнике имен.

В конце учебника — материалы о том, как читали свои произведения и на что обращали внимание при чтении авторы художественных произведений, включенных в хрестоматию. Там же — рекомендации по внеклассному, самостоятельному чтению.

Мы желаем радостных встреч с новыми писателями и новыми произведениями знакомых авторов. Пусть помогут они вам стать умными и любознательными читателями, добрыми и интересными собеседниками, справедливыми и отзывчивыми людьми. Пусть растут в ваших сердцах «внимание к человеку», «уважение к его труду», «любовь к его беспокойному духу»!

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Предания

Предания — поэтическая автобиография народа. Предание — жанр фольклора. Это устный рассказ, который содержит сведения об исторических лицах, событиях, передающихся из поколения в поколение. Возникают предания часто из рассказа очевидцев. На фоне больших и малых исторических событий, народных движений вырисовываются монументальные фигуры государственных деятелей Древней Руси. Первый из них — Рюрик, родоначальник первой княжеской династии. Цикл сказаний посвящен Ивану Грозному. Последующие страницы устной летописи надолго останавливаются на деяниях Петра Первого. Иван Грозный изображен в архаической традиции — в качестве жреца, мага, всеильного царя («Наказание реки Волги»). Веяние времени отражает тему его борьбы с колдовством («Сороки-ведьмы»).

Ранние предания о Петре Первом связаны с походами на Азов. Готовясь ко второму из них и взятию Азовской крепости, монарх отдает приказ о строительстве флота в Воронеже, а потом и сам работает на верфи («Петр и плотник», «Царь Петр и солдат»). В народной памяти запечатлены приезд Петра на Север в 1702 году, победа над шведами, Полтавская баталия («Петр Первый в Троицко-Сергиевском монастыре»). В каждом из преданий сказался настрой Петровской эпохи: раскованность в поведении ге-

роев, юмор в повествовании, изображение исторических событий на бытовом, а то и будничном фоне.

Там, где прошел Петр, навсегда осталась память о деятельном, нетерпеливом «осударе». Рядом с Петром встают те, чьими трудами мужала Россия, — землепашцы, рыбаки, мастеровые, солдаты.

По Н. Криничной

❓ Вопросы и задания

1. Вспомните, какие былички и предания были прочитаны вами в предыдущих классах.
2. Что вы узнали о преданиях из статьи Н. Криничной? Перескажите ее.

Воцарение Ивана Грозного

Прежде как на Руси царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи на руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь.

У одного барина был крепостной человек — Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему:

— Иван, пойдем на реку. Когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!

А Иван ему на это:

— Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспрременно голову срублю!

Пошли через реку, опустили свечи — у Ивана свеча и загорись. Стал Иван царем, вспомнил свое обещанье: барину голову срубил. Вот с этой поры за это его Грозным и прозвали.

Сороки-ведьмы

Когда царем в Москве был Иван Васильевич Грозный, то на Русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия многое множество. Долго горевал благочестивый царь о гибели народа христианского и задумал наконец изве-

сти нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуний и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы. По этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, с строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются. Вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси, на своих глазах.

Охватило полымя ведьм — и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой черный столб дыма, и полетели из него сороки, одна за другою — видимо-невидимо. Значит, все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и улетели и обманули царя в глаза.

Разгневался тогда Грозный-царь и послал им вслед проклятие:

— Чтобы вам, — говорит, — отныне и до веку оставаться сороками!

Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока никогда не долетает до Москвы ближе шестидесяти верст в округе.

Петр и плотник

Царь приезжал в Воронеж корабли строить, за то ему и памятник в Воронеже поставлен. Сказывали, что он иногда вроде как рабочим был: сам рубил и пилил.

Созвали в Воронеже лучших плотников и всех к работе приставили. И был среди них лучший из лучших мастер. Вот начали работать, работает с ними и Петр. А мастеру и невдомек, что с ним работает сам царь, думал: какой-нибудь новичок из приезжих. Посмотрел он, как Петр плотничает, и выругал его крепким словом: то не так, другое не

эдак. Стал ему показывать, и Петр быстро все перенял. А когда стали шабашить, он и говорит мастеру:

— Хоть ты меня и крепко ругал, но я зла на тебя не имею, спасибо за науку.

Снял со своей руки кольцо и отдал мастеру.

— Носи, — говорит, — да вспоминай, что науку царю преподавал.

21 Вопросы

Вы прочитали предания об Иване Грозном и Петре Первом. Какими предстают в «устной летописи» Иван Грозный и Петр Первый? На что обращает внимание народный сказитель?

22 Будьте внимательны к слову

1. Как можно объяснить слова «предание», «летопись», «быличка»? Вспомните названия преданий, с которыми вы познакомились в 5—7 классах.
2. Как вы понимаете словосочетания: «содержит сведения», «родоначальник первой княжеской династии», «цикл сказаний», «Петровская эпоха», «раскованность в поведении героев», «землепашцы, мастеровые»?
3. Подготовьте к пересказу одно из преданий, сохранив особенности повествования.

Былины

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...

М. Горький

Уже тысячу лет назад никто на Руси не мог засвидетельствовать, с каких пор повелось петь былины и сказывать сказки. Они передавались от предков вместе с обычаями и обрядами, с теми навыками, без которых не срубишь избы, не добудешь меда, не вырежешь ложки. Это были своего рода духовные заповеди, заветы, которые народ чтит. Строитель возводил храм — получалась просторная палата, под куполом которой из узких проемов в стене лился и играл солнечный луч, словно было возведено жилище для сказочных и былинных героев.

...Такова была сила поэтического сказания, сила сказочной выдумки. Где тайна этого всевластия? Она в самой тесной и прямой связи со всем укладом жизни русского человека. По этой же причине мир и быт русской крестьянской жизни составил основу былинного и сказочного творчества.

Былины (от слова «быль») — произведения устной поэзии о русских богатырях и народных героях.

Действие былин происходит в Киеве, в просторных каменных палатах — гридницах, на киевских улицах, у днепровских причалов, в соборной церкви, на широком княжеском дворе, на торговых площадях Новгорода, на мосту через Волхов, в разных концах Новгородской земли, в других городах: Чернигове, Ростове, Муроме, Галиче.

Русь и тогда, в далекую от нас эпоху, вела оживленную торговлю с соседями. Поэтому в былинах упоминается знаменитый путь «из Варяг в Греки»: из Варяжского (Балтий-

ского) моря в Неву-реку по Ладожскому озеру, по Волхову и Днепру. Певцы воспевали широту Русской земли, раскинувшейся под высоким небом, и глубину днепровских омутов:

Высота ли, высота поднебесная,
Глуботá, глуботá океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские.

Сказители знали и о далеких землях: о земле Веденецкой (скорее всего, Венеции), о богатом Индийском царстве, Царьграде, разных городах Ближнего Востока.

Множество достоверных черт древнего быта и жизни придает былинам документальную ценность. В них рассказывается об устройстве первых городов. За городскими стенами, которые защищали селение, сразу начиналось раздолье чистого поля: богатыри на сильных конях не дожидаются, пока отворят ворота, а скачут через башню наугольную и сразу оказываются на просторе. Лишь позднее города обстроились незащищенными «пригородками».

Хороший конь был в большом почете на Руси. Заботливый владелец холил его, знал ему цену. Один из былинных героев, Иван — гостиный сын, бьется о «велик заклад», что на своем трехлетнем Бурочке-косматочке обскочет всех княжеских жеребцов, а Микулина кобылка обошла княжеского коня вопреки пословице «Лошадь пашет, конь под седлом». Верный конь предупреждает своего хозяина об опасности — ржет «во всю голову», бьет копытами, чтобы разбудить богатыря.

Сказители поведали нам о настенных украшениях в парадных жилищах. Нарядна одежда героев. Даже на оратае Микуде нерабочая одежда — рубаха и порты, как бывало в действительности:

У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

Это не выдумка, а реальность древнерусского праздничного быта. Подробно говорится о конской упряжи и ладьях-кораблях. Певцы стараются не упустить ни одной мелочи...

Сколь ни ценны эти черты древнего быта, еще более ценны воплощенные в былинах думы и чувства народа. Людям XXI века важно понять, ради чего народ пел о богатырях и об их славных делах. Кто они, русские богатыри, во имя чего совершают подвиги и что защищают?

Илья Муромец едет через непроходимые, непроезжие леса ближней, прямой, а не окольной, долгой дорогой. Ему неведом страх перед загородившим проезд Соловьем-разбойником. Это не выдуманная опасность и не выдуманная дорога. Северо-Восточную Русь с городами Владимиром, Суздалем, Рязанью, Муромом некогда отделяли от Приднепровья со стольным Киевом и прилегающими землями дремучие леса. Лишь в середине XII столетия через лесные дебри проложили дорогу — с Оки к Днепру. До этого приходилось объезжать леса, направляясь в верховья Волги, а оттуда — к Днепру и по нему — к Киеву. Однако и после того, как прямоезжая дорога была проложена, многие предпочитали ей прежнюю: новая дорога была беспокойной — на ней грабили, убивали... Илья сделал дорогу свободной, и его подвиг был высоко оценен современниками. В былине развита мысль о едином сильном государстве, способном навести порядок внутри страны и отразить нашествия врагов.

Пример верности воинскому долгу являет и другой воин-богатырь, прославленный в былинах под именем Добрыни Никитича. В схватках с огненным Змеем он дважды одерживает победу. Богатыри сражаются с врагами во имя покоя и благополучия Руси, они защищают родную землю от всех, кто посягал на ее свободу.

Как творения крестьянской Руси, былины охотно делали предметом изображения не только события героической обороны страны, но дела и события повседневной жизни: рассказывали о работе на пашне, сватовстве и соперничестве, конных состязаниях, торговле и далеких путешествиях, о случаях из городского быта, о споре и кулачных боях, об увеселениях и скоморошьей игре. Но и такие былины не просто развлекали: певец учил и наставлял, делился со слушателями сокровенными думами о том, как жить. В былине о землепашце Микуле и князе Вольге крестьянская идея выражена со всей ясностью. Будничный

Гусляры. Худ. В. Васнецов

труд крестьянина поставлен выше воинского. Неоглядна пашня Микулы, тяжела его соха, но он легко управляет с нею, а дружина князя не знает, как и подступиться к ней — не умеет выдернуть ее из земли. Симпатии певцов всецело на стороне Микулы.

Время Древней Руси сказалось и на самом художественном строе, ритмах, строении стиха былин. От поздних песен русского народа они отличаются грандиозностью образов, важностью действия, торжественностью тона. Былины возникли во времена, когда пение и рассказывание еще не сильно отошли друг от друга. Пение придавало рассказу торжественность.

Былинный стих особенный, он приспособлен для передачи живых разговорных интонаций:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.

Песенные строки легки и естественны: повторения отдельных слов и предлогов не мешают передаче смысла. В былинах, как и в сказках, есть зачины (в них рассказывается о времени и месте действия), концовки,

повторы, преувеличения (гиперболы), постоянные эпитеты («поле чистое», «добрый молодец»).

Рифмы в былинах нет: она затрудняла бы естественное течение речи, но все же певцы не отказались совсем от созвучий. В стихах созвучны однородные окончания слов:

Так все травушки-муравы уплеталися
Да й лазоревы цветочки осыпалися...

Пение былин в древности сопровождалось игрой на гуслиях. Музыканты считают, что гусли — самый подходящий инструмент для подыгрывания словам: мерные звуки гуслей не заглушали пения и располагали к восприятию былин. Красоту былинных напевов ценили композиторы. М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков использовали их в операх и симфонических произведениях.

В искусстве былины как бы осуществилась связь времен Древней Руси и нашей эпохи. Искусство прошедших веков не стало музейным, интересным только немногим специалистам, оно влилось в поток переживаний и мыслей современного человека.

В. П. Аникин

Вопросы и задания

- В чем «тайна всевластия» былин? Подготовьте сообщение о былинах, используя высказывание М. Горького об устном народном творчестве и рассказ ученого-фольклориста Владимира Прокопьевича Аникина.

О СОБИРАНИИ, ИСПОЛНЕНИИ, ЗНАЧЕНИИ БЫЛИН

Наиболее ранние записи былин были сделаны в XVII веке, а первые публикации текстов в XVIII веке принадлежат писателям М. Чулкову, Н. Новикову, И. Дмитриеву. Важным событием стало издание в 1804 году сборника «Древние российские стихотворения», составленного Киршей Даниловым. В 30-е годы XIX века произведения устного народного творчества стал собирать П. Киреевский, который обратился к литераторам с призывом записывать и собирать фольклор. На призыв откликнулись многие:

А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, В. И. Даль. В 1861—1867 годах изданы четыре тома «Песен, собранных П. Рыбниковым», куда вошло 165 былин. В 1871 году по следам Рыбникова отправился А. Гильфердинг. Он записал 270 былин от 70 сказителей — так родились три тома «Онежских былин». За ними последовало издание «Русских былин старой и новой записи», а также печорских, беломорских, онежских, донских былин. Ф. Буслаев, О. Миллер, А. Веселовский и многие другие ученые-фольклористы активно изучали эти памятники словесности.

В. Аникин делит былины на древнейшие (докиевские): это былины о Волхе, Дунае, Потыке; киевские — о Добрыне, Сухмане, Даниле Ловчанине, Чуриле, Соловье Будимировиче; владимиристо-суздальские — об Илье Муромце, Алеше Поповиче; галицко-волынские — о Дюке; псковско-новгородские — о Вольге и Микуле, Садко, Василии Буслаеве; черниговские — об Иване — гостинином сыне; брянские — о князе Романе и братьях Ливиках...

Два основных цикла былин — киевский и новгородский — сложились во время расцвета Киева и Новгорода. Киевский цикл обладает рядом признаков: действие происходит в Киеве или около него; в центре повествования стоит князь Владимир; основная тема — защита Русской земли от кочевников; исторические обстоятельства и быт характерны для Киевской Руси. Еще одной особенностью киевского цикла стали образы трех богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, герои социально-бытовых былин — Вольга и Микула, Дюк и др.

К новгородским относятся сказания о Садко, Василии Буслаеве и др. В них затронуты социальные темы, и это обусловлено своеобразием жизни Новгорода, который вел торговлю со многими странами. Слушатель или читатель воочию представит себе обе части города и соединяющий их мост через Волхов, торговые ряды, быт купечества, влияние Церкви, крепкие семейные порядки, поездки в другие страны.

Почти все былины в XIX и XX веках записаны от крестьян. В крестьянской среде их пели не только мастера-сказители, но и рядовые крестьяне — Т. Рябинин, В. Ще-

голенок и др. Это искусство передавалось из поколения в поколение — так, Трофим Григорьевич Рябинин обучил этому сына Ивана, от того пение былин перенял и его пасынок, а от него его сын — Петр.

Обладея высокими художественными достоинствами, богатым жизненным содержанием, былины сыграли видную роль в развитии русского искусства — литературы, музыки, живописи. Пушкин, Некрасов, Толстой, Горький обращались к их сюжетам. Римский-Корсаков в опере «Садко», Гречанинов в опере «Добрыня Никитич», Васнецов в «Трех богатырях», «Витязе на распутье», Репин в «Садко» вдохновлялись сюжетами и образами былин, обогащая русскую литературу опытом народного творчества. Русские былины широко переводятся на многие языки мира.

*По кн. Н. Кравцова, С. Лазутина
«Русское устное народное творчество»*

В лаборатории народного творчества

1. Какими музыкальными инструментами сопровождалось исполнение былин?
2. В каком веке появились ранние записи былин? Кому принадлежат эти записи?
3. Назовите наиболее известных исполнителей былин? Кто из великих русских писателей откликнулся на призыв собирать и записывать фольклор?
4. Кто из художников иллюстрировал былины, сказки?

Вольга и Микула Селянинович

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синии моря,

Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темный леса.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцев да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков нелегченныхых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая¹,
Как орет² в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики³ по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пабедья⁴.
А наехали в чистом поле оратая.

Как орет в поле оратай посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пень-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла солбвая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,

¹ *Оратай* — пахарь.

² *Орет* — пашет.

³ *Омешики* — сошник у плуга, подрезывает и вздымает пласт.

⁴ *Пабедья, до пабедья* — до полудня.

«Вольга и Микула Селянинович».
Худ. И. Билибин

Присóшечек¹ у сошки серебряный,
А рогáчик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.

¹ Присóшечек — лопатка для отворота земли.

У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:

— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пеня-кореня вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:

— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна Божья помочь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:

— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:

— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги¹ калиновы,
Да потопят тебя в речке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха²,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить.
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи:

¹ Сляга, сляга — жердь, тонкое бревно.

² Мех — мешок.

Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лёжа лежит.

Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко.
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повывернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинишка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи¹ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

¹ Обжи — оглобли сохи.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул.
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!

Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!

Тут проговорит Вольга Святославович:

— Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Как-то тебя да именем зовут,

Нарекают тебя да по отечеству?

Тут проговорил оратай-оратаюшко:

— Ай же ты, Вольга Святославович!

Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,

Я во скирды сложу да домой выволочу,

Домой выволочу да дома вымолочу,

А я пива наварю да мужичков напою,

А тут станут мужички меня похваливати:

«Молодой Микула Селянинович!»...

Вопросы и задания

1. Какой теме посвящена былина и кого можно назвать ее подлинным героем? Когда мужички начинают «похваливати» оратая и называть его «молодой Микула Селянинович»?
2. Чем объяснить, что Вольга Святославович проникся уважением к Микуле Селяниновичу? Как вы понимаете смысл зачина быliny, подробного описания внешнего облика, одежды и работы оратая? Какую роль играют в былыне гиперболы и постоянные эпитеты?
3. Дайте характеристику Микуле или Вольге (на выбор).
4. Попробуйте сделать небольшой словарь (на темы «Так говорили былинные герои» или «Незаслуженно забытые слова» — на выбор). Объясните слова «нарекать», «пожаловаться», «раздольице», «крестный батюшка» и др.
5. Если бы предложили поставить памятник одному из героев, кому бы вы его поставили — Вольге или Микуле? Как бы он выглядел?
6. Подготовьте выразительное чтение быliny или инсценированное чтение, обратив внимание на напевность, торжественность, повторы, зачин, гиперболы, постоянные эпитеты, речь героев.

Садко

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко новгородский!

Не знаю, чем буде тебя пожаловать,
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:

Аль бессчетной золотой казной?

А не то ступай во Новгород

И ударь о велик заклад,

Заложь свою буйну голову

И выряжай с прочих купцов

Лавки товара красного

И спорь, что в Ильмень-озере

Есть рыба — золоты перья.

Как ударишь о велик заклад,

И поди свяжи шелковый невод

И приезжай ловить в Ильмень-озеро:

Дам три рыбины — золоты перья.

Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

Пошел Садко от Ильменя от озера,

Как приходил Садко во свой во Новгород,

Позвали Садка на почестен пир.

Как тут Садко новгородский

Стал играть в гусельки яровчаты;

Как тут стали Садка попаивать,

Стали Садку поднашивать,

Как тут-то Садко стал похвастывать:

— Ай же вы, купцы новгородские!

Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:

А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские

Говорят ему таковы слова:

— Не знаешь ты чуда-чудного,

Не может быть в Ильмень-озере рыбы —

золоты перья.

— Ай же вы, купцы новгородские!

О чем же бьете со мной о велик заклад?

Ударим-ка о велик заклад:

Я заложу свою буйну голову,

А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковой
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отчеством.
Славным отчеством, молодым молодецеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
— Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,

Похвальбами все похвалялися.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бесшестной
золотой казной:

На свою бесшестну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесшестной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже
боле не было.

Вставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговчим,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесшестну золотую казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговчим,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено

На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую.

Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленных;
На те на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота,
чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленные;
А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:
— Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во синё море.

Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во синё море.

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во синё море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленные,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во синё море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленные,
А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во синё море.

Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на синё море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в синё море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте

Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на синё море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжанный.

Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжанный.
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на синё море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в синё море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именье отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жене,
Остатное именье дружине хороброй.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гусельки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гусельки не игрывати,
Али взять мне гусли с собой во синё море?

«Садко». Худ. И. Архипов

Взимает он гусельки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть
во синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.

Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю еживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гусельки яровчаты;
Поиграй же мне в гусельки яровчаты.

Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии —
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именъицев,
Стало много тонуть людей праведных.

Как стал народ молиться Миколу Можайскому,
Как тронуло Садка в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гусельшки яровчаты! —
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гусельки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывавай,

А ты шпенечки повыломай,
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенечков не пригодилось,
Не во что больше играть,
Приломались гусельки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
А друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идет девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери туя Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бесчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.
Садко струночки во гусельках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гусельки яровчаты?
— У меня струночки во гусельках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодилось.
Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:

— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранешенько,
Поглядит: идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Черनावушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во перву ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черленые корабли по Волхову.

Поминает жена Садка со дружиною во синем море:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

Вопросы и задания

1. К какому циклу относится былина «Садко»? Какова ее тема?
2. Расскажите о главном герое былины, истории его жизни и путешествий.
3. Как оказался Садко «во синем море»? Что увидел у царя морского? Чем закончились путешествия Садко?
4. За что и чем хотел пожаловать его царь морской?
5. Подготовьте выразительное чтение былины, обратив внимание на описание «палат белокаменных».

Прочитайте самостоятельно былинку «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Ответьте на следующие вопросы:

1. К какому циклу былин можно отнести прочитанную вами былинку? Какой теме она посвящена?
2. Почему Илья Муромец отказался стать черниговским воеводой и что помогло «славному богатырю святорусскому» победить Соловья-разбойника? Как в былине выражается отношение народа к богатырю и что сближает его с героями народных сказок? Каким предстает перед нами Илья Муромец? Постарайтесь нарисовать устный портрет героя, используя текст былины.
3. Подготовьте выразительное чтение эпизода поединка Ильи Муромца с Соловьем-разбойником. Обратите внимание на использование в былине эпитетов, особенностей ритма, лексики.
4. В тексте часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Какую роль они выполняют?
5. Какие черты характера Ильи Муромца проявились во время боя? Что, кроме бесстрашия, помогает ему одолеть Соловья-разбойника? Как он говорит об этом сам?
6. Как вы понимаете концовку былины?

Устное народное творчество и живопись

Былины вдохновляли многих мастеров искусства на создание оригинальных творений, например, картин: В. Васнецова «Богатыри», «Витязь на распутье», И. Репина «Садко», И. Билибина «Дружина Вольги», иллюстраций Н. Рериха, художников Палеха и пр.

Какие музыкальные произведения, картины и иллюстрации, написанные на былинные сюжеты, вам известны?

Карело-финский эпос «Калевала»

Ученые предполагают, что карело-финский эпос сложился в I тыс. н. э. в среде восточно-финских племен (емь, корела) в период разложения родового строя, внедрения земледельческой культуры и железной техники. Карело-финские руны были литературно обработаны только в 30-х годах XIX столетия, когда Э. Лёнротом¹ была составлена эпопея «Калевала». Карело-финские руны — это небольшие песни, из которых и была составлена эпопея «Калевала». Первая композиция (из 32 рун) опубликована в 1835 году, вторая (из 50 рун) в 1849.

Российская Карелия — древняя Олония, в самом имени которой для нас заложено множество волнующих исторических воспоминаний Петровской эпохи, — была, да и сейчас осталась, страной исключительных поэтических народных дарований. Именно среди восточных карелов зародились и выношены были творческой связью из поколения в поколение чудные древние руны о стране богатыря Калевы, о приключениях его сыновей, о мудром старом песнопевце Вяйнямёйнене, о молодом чудодее-кузнеце Ильмаринене, о веселом бабьем угоднике и неисправимом драчуне и забияке Лёмминкяйнене, о злой старухе Лбухи, хозяйке северной страны Пóхъёлы и матери красивых дочек, за которых сватались герои «Калевалы», и о многом другом, поражающем воображение слушателя.

Вдохновенно-прекрасные и в то же время удивительно точные картины северной природы; тонкий рисунок человеческих характеров — от маленькой девочки-рабыни, «наймычки из деревни», до легкомысленной красавицы из богатого дома — Кюлликки, от насмешливого запечного мальчишки, вставляющего свое острое словцо в свадебные причитания взрослых, до «верховного бога» Укко, созданного фантазией народной по образу и подобию деревенского деда; поистине потрясающие сцены разыгравшихся стихий — мрака, мороза, ветра, сцены открытия железа, начала сваривания железной руды в железо

¹ Элиас Лёнрот (1802—1884) — по профессии врач, собиратель народных песен (рун). Опубликовал разрозненные песни в единый, состоящий из 50 рун, героический эпос «Калевала».

и сталь, выковывания первых предметов труда, наконец, полная глубокого смысла центральная эпопея создания мельницы-самомолки, чудесного Сампо, приносящего народу благоденствие, — обо всем этом пели руны из века в век, преимущественно в российской Карелии, где их услышал и записал Элиас Лёнрот.

Перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести.

Северная его точка — мрачная страна Похъёла, где еще свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы. Неподалеку от нее, под землей или под водой, лежит странное царство мертвых — царство Туóни, Туóнела, в черных реках которой люди находят свою кончину. Это — первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих северных пространств — светлая страна Кáлевы, Кáлевала, где живут герои эпоса: старый, верный Вяйнямёйнен, «вековечный песнопевец», кузнец Ильмаринен, весельчак Лемминкяйнен. Где-то, по бесконечным озерам-морям, лежат острова Саари, и на одном из них еще сохранился древнейший обычай родового строя — групповая любовь. Тут же, в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живет род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Калерво (чудесные руны о сыне Кáлерво, юноше Куллерво, проданном в рабство, и о его мести)...

Сыны «Калевалы» сватали красивых, но злых дочерей Лоухи, хозяйки Похъёлы. И вот Лоухи объявила, что отдаст свою дочь тому, кто *выкует* для нее волшебную мельницу-самомолку Сампо, иначе «пеструю крышку». Лоухи делала свой заказ совершенно точно и приложила к нему рецепт его изготовления:

Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю *сковать* мне,
Взяв конец *пера лебедки*,
Молока коров нетельных,
От *овечки летней шерсти*,
Ячменя зерно прибавив?

(Руна 10-я)

Рецепт этот повторяется в поэме не один раз и явно носит не случайный характер. Разобрав его, видим, что Лоухи упоминает о четырех основных видах тогдашнего хозяйства. *Перо лебедки* означает охоту; *молоко коровы* и *шерсть овцы* — два вида животноводства; *зерно ячменя* — земледелие. И кузнец должен эти символы лесного и сельского хозяйства положить на наковальню, сковать из них чудесную машину, то есть соединить с понятием железа, с понятием механизма. Если все описания природы в «Калевале» — описания леса, болот и утесов — предстают перед читателем связанными с хозяйством, с ручным трудом человека, то здесь, в образе Сампо, ручной труд и хозяйство предстают уже связанными с металлом, с наковальней и горнилом кузницы, с первой машиной. Лоухи стремится получить Сампо не для забавы; оно нужно ей для поднятия благоденствия в Похъёле, для облегчения труда, для накопления богатства. И как бы для того, чтоб показать читателю (слушателю) нелегкий труд изготовления такой волшебной машины, руна подробно рассказывает о ходе работы кузнеца Ильмаринена над нею. Приготовив все, что нужно, кузнец со своими рабами (которые в параллельных стихах называются одновременно и поденщиками, работающими за поденную плату) становится у горнила:

И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.
(Руна 10-я)

Нагнувшись к огню, Ильмаринен стал смотреть, что получилось. И тут из пламени вышел лук для стрел. Он был чудесен на вид, «с золотым сияньем лунным», но «имел дурное свойство»:

Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.
(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук. Он сломал его, бросил назад в пламя и велел рабам снова под-

дувать. Опять они трудятся изо всех сил. И вот второй раз нагибается кузнец к горнилу. Теперь оттуда вышла лодка, прекрасная с виду: с золотым бортом, с медными уключинами. Но прекрасная лодка имела крупный порок:

 Был челнок прекрасен с виду,
 Но имел дурное свойство:
 Сам собою шел в сраженье,
 Без нужды на битву рвался.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук, он изломал челнок в щепки и бросил их в пламя.

Опять поддувают и стараются рабы. Опять, в третий раз, смотрит кузнец — из пламени выходит корова. Все как будто хорошо, корова красива с виду:

 Но у ней дурное свойство:
 Спит средь леса постоянно,
 Молоко пускает в землю.

(Руна 10-я)

Снова изломал кузнец свое детище. В четвертый раз из огня выходит уже плуг, но он не совершенен: он забирается на чужие земли, бороздит чужой выгон. Кузнец сломал и его.

В этих образах лука, лодки, коровы и плуга с «дурными свойствами» народный гений показывает еще не полное подчинение вещи своему творцу, еще тяготение орудий к старому, привычному, примитивному образу действий, к старым, прежним формам хозяйства — к войне как грабежу, к произвольным завоеваниям, к посягательствам на чужое добро, к некультурному животноводству (ленивая корова, пускающая молоко в землю). А Лоухи хочет именно Сампо, хочет машину, которая поднимет ее хозяйство.

И наконец, в пятый раз, Ильмаринен выковывает мельницу-самомолку, чудесное Сампо, которое сразу делает три больших дела:

 И с рассвета мелет меру,
 Мелет меру на потребу,
 А другую — для продажи,
 Третью меру — на пирушки.

(Руна 10-я)

«Калевала». Похищение Сампо у Лоухи,
хозяйки Похьёлы. Худ. А. Порет

Сампо, по представлениям народа-крестьянина, — орудие мирного труда, оно дает пищу и создает запас.

Но Сампо приносит с собою вместе с зажиточностью и культуру. На вопрос Вяйнямёйнена, что делается в Похьёле, Ильмаринен, обманутый и высмеянный людьми Севера, горько отвечает:

Сладко в Похьёле живется,
Если в Похьёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,

Там и разные растенья,
Неизменные там блага.
(Руна 38-я)

И когда все три богатыря Калевы, завершая эпос, отправляются отобрать у Лоухи назад Сампо и похищенная ими мельница разбивается на тысячи осколков, падает в море, которое выбрасывает часть этих осколков на берег Калевалы, — Вяйнямейнен доволен и этими осколками. Он говорит о них:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благотельный свет солнца
В Суоми на больших полянах,
В Суоми, сладостной для сердца.
(Руна 43-я)

Мариетта Шагинян

Вопросы и задания

Прочитайте статью М. Шагинян и текст «Калевалы». Подумайте над их содержанием:

1. Где и когда, по предположениям ученых, сложился Карело-финский эпос? Кто его литературно обработал и записал?
2. Из какого количества рун (песен) состоит композиция «Калевалы»?
3. О чем рассказывают древние руны?
4. Какие герои «населяют» эпос «Калевала» и какие природные стихии сопровождают их деяния?
5. Как называются северная и южная точки этой прекрасной страны?
6. Кто, кому и зачем заказал сделать чудесную мельницу «Сампо» и что эта мельница символически обозначает?
7. Как шла работа кузнеца Ильмаринена над созданием Сампо?
8. Что случилось с Сампо впоследствии?
9. Расскажите о традициях, трудовых буднях и праздниках, о героях «Калевалы». Сравните с героями былин. Что в них общего и что различного?

Пословицы и поговорки

Пословица — коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот...

«От пословицы нет взносу», «ее обжаловать нельзя», приговор ее неотразим... и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нет», «От пословицы не уйдешь», «Пословица ведется, как изба веником метется»... Кто ее сочинил — не ведомо никому; но все ее знают и ей покоряются. Это сочинение и достояние общее, как и самая радость и горе, как выстраданная целым поколением опытная мудрость, высказавшаяся таким приговором...

В. И. Даль

Издавна народ дорожил пословицей: «Пословица не на ветер молвится», «Без пословицы не проживешь». Что же такое пословица?

Пословица — это краткое мудрое изречение, имеющее поучительный смысл, заключающее в себе законченную мысль, житейскую мудрость. Например: «Дело мастера боится», «Играй, да не заигрывайся».

Поговорка отличается от пословицы тем, что она — часть суждения; поговорка — это яркое, меткое народное выражение. Например: «Легок на помине», «Чужими руками жар загребать», «За словом в карман не лезет».

Пословицы и поговорки создавались на протяжении сотен поколений. В этих кратких и мудрых изречениях запечатлены любовь к родине, мужество, храбрость, вера

в торжество справедливости, понятия о чести: «Человек без родины — соловей без песни», «Честь дороже жизни», «За правое дело стой смело».

Темы пословиц и поговорок бесчисленны. В них говорится об учении, о знаниях, о семье, о трудолюбии и мастерстве: «Без муки нет науки», «Красна птица перьем, а человек ученьем», «Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Труд человека кормит, а лень портит», «Дело мастера боится», «Не надобен и клад, коли в семье лад», «Всякое дело человеком ставится, человеком и славится», «С мастерством люди не родятся, но добытым мастерством гордятся» и т. д.

Пословицы и поговорки всегда имеют не только прямой, но и переносный смысл. «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» — это пословица не только о рыбной ловле, но и о любом труде. Сила и красота пословиц издавна признаны народом. «После дождика в четверг», — говорим мы о том, что произойдет неизвестно когда, а может, и не произойдет вовсе. Пословица по форме часто похожа на маленькое стихотворение: мы наблюдаем в ней ритм, иногда рифму.

А. С. Пушкин восторженно восклицал: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!»

Пословицы

I

Своя земля и в горсти мила.
Глупа та птица, которой свое гнездо не мило.
Родина — мать, умей за нее постоять.

II

Терпенье и труд все перетрут.
Смотри дерево в плодах, а человека — в делах.
Папню пащут — руками не машут.
Вешний день целый год кормит.

III

Грамоте учиться — вперед пригодится.
Кто грамоте горазд — тому не пропасть.
Повторенье — мать ученья.

IV

Друзья познаются в беде.
Самолуб никому не люб.

V

Доброе братство милее богатства.
Старый друг лучше новых двух.

Поговорки

Работать с огоньком.
Комар носа не подточит.
Как снег на голову.

21 Вопросы и задания

1. Чье высказывание о пословицах вас особенно заинтересовало? Приведите примеры ритма и рифмы в пословицах.
2. Какие пословицы вам известны и какие из них вы используете в своей речи? По каким темам объединены пословицы в I, II, III, IV разделах? Раскройте их прямой и переносный смысл. Приведите пример ситуации, когда можно было бы использовать каждую из этих пословиц.
3. Подготовьте рассказ: «Об отдыхе летом», «О моем друге», «Моя любимая книга» (на выбор) — с использованием нескольких пословиц на избранную вами тему.

МУДРОСТЬ НАРОДОВ

(пословицы и поговорки народов мира)

Дружба народов — их богатство.
Башкирская пословица

Пословицы живут в каждом народе, переходят из века в век, передают накопленный опыт новым поколениям. Сама пословица не спорит — она утверждает. В ней —

окончательный вывод, она — итог длительных размышлений и потому — категоричное суждение о мире: «И в тихой воде есть крокодилы» (малайская), «Скорпион своих привычек не меняет» (узбекская), «Кто обнажит меч, погибнет от него же» (арабская), «Много кормчих — корабль разбивается» (китайская). Важность и красоту пословиц оценил сам народ: «Речь без пословицы — что еда без соли» (амхарская), «Пословица всем делам помощница» (русская).

Все народы единодушны в утверждении, что труд составляет главную ценность жизни: «Пыль труда лучше шафрана бездействия» (арабская), «Дерево славится плодами, человек — трудами» (азербайджанская), «Без труда не вытащишь рыбку из пруда» (русская). Бесчисленные пословицы высмеивают лентяев, легковерных: «Прибежал на запах шашлыка, а оказалось — осла клеймят», отражают понимание хода природных явлений: «За каждым вечером следует утро» (турецкая), «Солнечный диск решетом не закрыть» (арабская), «Весенний день год кормит», «Зима без снега — лето без хлеба» (русские), «У пчелы спина полосатая, а тигром ее не назовешь» (китайская).

Большинство пословиц и поговорок мира пронизаны пафосом гуманных идей и чистых чувств, соприкосновение с их миром доставляет человеку радость и душевное волнение.

По В. П. Аникину

Прочитайте пословицы разных народов, объясните их смысл, постарайтесь чаще использовать их в разговоре с друзьями.

Абхазские

Была бы голова, а шапка будет.

Вовремя посеянное — вовремя и всходит.

Дерево держится корнями, а человек — родственниками.

Как ты бьешь в ладоши, так я и танцую.

Кто не знает, как работать, для того работа не кончается.

Азербайджанские

Лучше есть свой черствый хлеб, чем чужой плов.
У лжеца загорелся дом — никто не поверил.
Хороший друг ближе брата.
Ради друга терпи и пургу, и снег.

Английские

Пустая посуда гремит громче всего.
Обещай медленно, выполняй быстро.
Ничего не делая, мы учимся дурным делам.
Выбирай писателей так, как выбираешь друга.
Вежливости открываются все двери.
Благодарность — малейшая из добродетелей, неблагодарность — худший из пороков.

Арабские

В трудную минуту — друг тут как тут.
В чужом глазу и соломинка кажется верблюдом, а в своем — целый мост не заметил.
Венец мужества — скромность.
Достоинство слова в крепости.
Если ты сделал добро — скрой; если тебе сделали добро — расскажи.
Кто хорошо говорит — прекрасно слушает.
Невежда — враг самому себе.

Армянские

Осталось дело до завтра — считай, что застряло.
Плоха та шутка, в которой нет половины правды.
Пока сам не состаришься, не поймешь старого.
Рана, нанесенная мечом, заживет, а языком — нет.

Ассирийские

Жизнь без цели — человек без головы.
За каждым спуском есть подъем.
Звуки барабана хорошо слушать издали.
Как поступишь с другими, так поступят с тобой.
Кто бежит от малой трудности, очутится перед еще большей.
Труд кормит человека, безделье — портит.

Башкирские

В радости знай меру, в беде — веры не теряй.

Друг в глаза скажет, враг — за спиной бурчит.

Земля ценится хлебом, а человек — делом.

Незнание — не порок, нежелание знать — большой порок.

Вьетнамские

Без ученья нет и умения.

Глубокую реку коротким шестом не измерить.

Глупость одной минуты разрушает труд мудрости, потребовавшей три часа.

Знаешь — говори, не знаешь — так послушай других.

Грузинские

Дерево корнями сильно, а человек — друзьями.

Кто копает яму другим, тот пусть снимает мерку с себя,

Ленивому каждый день — праздник.

Неразумный о друге лишь в беде вспоминает.

Разрушить-то легко, попробуй-ка построить.

Язык человека может принести ему и славу, и позор.

Казахские

Человек с сильными руками поборет одного, человек с сильными знаниями — тысячу.

Хороший совет — половина счастья.

Конь узнается в скачке, человек — в делах.

Китайские

Близкие соседи лучше дальних родственников.

В каждом ремесле есть первые ученики.

Высокая лампа далеко светит.

Друзья лучше старые, одежда — новая.

Если много таланта, не бойся, что сейчас не везет.

Медленно идти лучше, чем стоять.

Лучше требовать с себя, чем просить у других.

Латышские

Руку не протянешь, так и с полки ложку не достанешь.

Где воздух, там и жизнь.

Мороза бояться — на двор не ходить.

Больному нужен врач, здоровому — работа.

Литовские

Много рук поднимут и тяжкую ношу.
Жизнь — счастье в труде.
Не нажав сошника, не выкопаешь пирога.

Немецкие

Бесполезно носить дрова в лес.
Время выиграно — все выиграно.
В хороших книгах охотно роются.
Прилежание — отец счастья.
Кто ухаживает за пашней, за тем пашня ухаживает.

Украинские

Хочешь, чтоб были полны закрома, — вставай с криком петуха.
Не тот впереди, кто обогнал, а тот впереди, что за собой тянет.

Французские

Безделье — мать всех пороков.
Не теряй ум, все остальное приложится.
Леность незаметно уничтожает все добродетели.
Силен тот, кто валит, но сильнее тот, кто поднимает.

Узбекская

Воду в реке весна разливает, цену человеку труд добавляет.

Эстонские

Как ты относишься к лесу, так и лес к тебе.
Чего не сможешь сделать один, сделают десятеро.
У ремесла золотое дно.
Опираясь на колени матери, ребенок быстро растет.

Японские

Лучше знать одно ремесло хорошо, чем сто — плохо.
Гнев твой — враг твой.
Холодной осенью лишний раз рта не открывай.
Кто людей любит, тот долго живет.
Не смейся над старым, сам состаришься.
Чтобы хорошо лечить, надо людей любить.

Вопросы и задания

1. Покажите на примере нескольких пословиц их меткость, мудрость, образность и красоту.
2. Каково отношение к добру и злу, к дружбе, труду и учению у различных народов мира? Подтвердите свой ответ пословицами.
3. Подготовьтесь к конкурсу: «Кто знает больше пословиц и кто лучше может объяснить их?»
4. Напишите сочинение по одной из пословиц (на выбор): «Бесполезно носить дрова в лес» (немецкая), «В радости знай меру, в беде — не теряй веру» (башкирская), «Будь не скор на обещания, а скор на исполнение» (английская), «Не откусывай больше того, что ты в состоянии проглотить» (американская).

Разумеется, в списке нет пословиц многих народов мира. Какие пословицы других стран вам известны и какие из них вы используете в своей речи?

Обогащайте свою речь

1. От каких слов происходят термины «былина», «сказитель»?
2. Какая особенность русской речи проявилась в словах и словосочетаниях «во синии моря», «за оболочи», «во темный леса», «дружинушка хоробрая»?
3. Какова манера произнесения большинства русских былин?
4. Каким пафосом пронизано большинство пословиц разных стран мира?
5. В каком случае пословицы легче запоминаются? Какие пословицы вы используете в своей речи? Приведите примеры.
6. Пословицы каких стран мира вам понравились? Произнесите их.
7. Подготовьте рассказ по одной из следующих пословиц (на выбор): «Гнев твой — враг твой», «Безделье — мать всех пороков», «Прилежание — отец счастья».

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Долгие годы, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, звучали в народе сказки и былины, пословицы и поговорки, песни и потешки, загадки и частушки, утешая, веселя.

Но вот в тихих кельях¹ монастырей начинают переписывать летописи, поучения. В X веке появляется *древнерусская* литература. «В ней сформировалось то удивительное чувство общественной ответственности писателя, которое стало характерной чертой русской литературы нового времени, — утверждает исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачев. — Именно в древней русской литературе создался тот широкий и глубокий взгляд на весь „обитаемый мир“, который стал характерен для нее в XIX веке».

В древнерусской литературе сохранилось много похвал книгам. Ценились они высоко. Летописец, желая похвалить Ярослава Мудрого, отмечал, что он прилежно читал

¹ *Келья* — комната монаха в монастыре.

днем и ночью. Книжные центры умножались на Русской земле, и свои летописания вместе с Киевом и Великим Новгородом завели Чернигов, Галич, Ростов, Владимир-Залесский. По свидетельствам литературоведов¹, над рукописной книгой трудились многие. Доброписец чернописный воспроизводил основной текст, статейный писец — вязь² киноварью, заставочный писец — заставки и буквицы, живописец иконный — миниатюры; златописец покрывал золотом заставки и отдельные части миниатюр. Златокузнец, среброкузнец и сканный³ оформляли оклад⁴.

О «Повестях временных лет»

«Повесть временных лет» появилась в период, когда в России пробудился особый интерес народа к своей истории. Она передала будущим поколениям легенды о том, как Олег, поставив корабли на колеса, подвел их с попутным ветром к Царьграду, как прибил щит над воротами Царьграда, как принял смерть от своего коня и т. д. Значение «Повести временных лет» было велико, она сообщала о многих исторических событиях. Среди жанров «Повести...» — сказания, предания, хождения, поучения, притчи и т. д.

«Се повесть времяньных лет, откуда есть пошла русская земля. Кто въ Киевъ нача первые княжити, и откуда русская земля стала есть» — так торжественно начинается древний летописный свод. Исследователь древнерусской литературы Н. И. Прокофьев пишет: «„Повесть временных лет“ дошла до нас в нескольких сборниках. Самый ранний из них — „Лаврентьевская летопись“. По своему составу летописный свод включает, кроме погодных записей, различные жанры литературы той эпохи (повести, поучения, послания, притчи, жития, предания, былинно-сказочные

¹ Литературовед — специалист, изучающий науку о художественной литературе.

² Вязь — соединение, сплетение смежных букв в один сложный знак (например, в заглавиях старинных рукописей).

³ Сканы — металлические покрытия на иконе, книге.

⁴ Оклад — металлические покрытия на иконе, книге.

и легендарно-библейские сказания и др.), записи устных рассказов, договоры...»

«Язык „Повести временных лет“ — древнерусский, доступный жителям всех областей и княжеств Руси той эпохи, хотя нередко в текстах русская речь смешивалась с церковно-славянскими элементами...» — пишет Н. Прокофьев.

Из похвалы князю Ярославу и книгам

(Отрывок из «Повести временных лет»)

Велика бо бывает полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напоюще вселеную, се суть исходящи мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть... Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящещи велику ползу души своей...

[Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержанье. Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанья. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей...]

❗ Вопросы и задания

1. Расскажите кратко о том, как в древности трудились над рукописной книгой, какие жанры литературы включены в «Повесть временных лет». Используйте для своего ответа высказывания исследователей древнерусской литературы.
2. Почему в отрывке о пользе учения книжного говорится, что «книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья»?
3. Какова основная мысль прочитанного текста и сумели ли вы понять его на древнерусском языке? Прочитайте выразительно текст на древнерусском языке и тот же текст в пересказе.

Из «Поучения» Владимира Мономаха

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите ее в сердце свое и не ленитесь, но усердно трудитесь...

В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь ни на тиуна¹, ни на отрока², чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами снаряжайте и ночью, со всех сторон расставив охрану, ложитесь около воинов, а вставайте рано. Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись; по лениности, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы пойдете и где остановитесь, напоите и накормите просящего... Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорей.

Если же вам придется крест целовать, то, проверив сердце свое, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, соблюдайте свое слово, ибо, нарушив клятву, погубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме: смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу; все, что мы имеем, дано нам на малое время. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте всеобщий почет.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолудин ли, или знатный, или посол; если не можете почитать его подарком, то угостите его пищей и питьем; ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым.

¹ Тиун — управляющий хозяйством.

² Отрок — слуга.

Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Если забудете это, то чаще перечитывайте мою грамотку, тогда и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее...

Вопросы и задания

1. В чем смысл поучений Владимира Мономаха и какие из них кажутся вам необходимыми и сегодня? Как вы понимаете советы: «не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам», «напойте и накормите просящего», «убогих не забывайте»?

2. Как должно звучать это произведение? Прочитайте его выразительно, отметьте особенности стиля.

3. Попробуйте сами составить небольшое поучение младшим брату, сестре или другу, используя некоторые слова из «Почувствия», например: «приветить», «молвить», «почет» и др. (предварительно объясните их).

4. Прочитайте самостоятельно «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Подумайте, какой теме она посвящена.

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Есть в земле Российской город, называемый Муром. В нем, как рассказывают, правил князь по имени Павел.

И вот случилось так, что дьявол, искони ненавидящий род человеческий, вселился в летающего змия и стал прилетать к жене князя. Жене князя Павла он являлся в виде змия, всем же остальным представлялось, что сам князь сидит с женою своею. Жена не утаила от мужа, что случается с нею, и рассказала ему все.

Князь задумался:

— Не знаю, что и сделать со змием, как убить его. Выспроси у него, от чего ему суждена смерть.

Когда тот злой змий опять прилетел к жене, она стала лгстить ему и с почтением спросила:

— Ты много знаешь, знаешь ли кончину свою, какова она будет и от чего?

Добрый обман верной жены обманул лукавого обманщика, и ненароком он открыл ей свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова¹ меча.

Жена поведала мужу, что сказал ей змий. Князь же недоумевал, что значит «от Петрова плеча, от Агрикова меча».

У князя Павла был брат по имени Петр, и князь рассказал ему все. Князь Петр, услышав, что змий назвал его имя, начал думать, как бы убить его. Но его смущало, что он не знал, где раздобыть Агриков меч.

Была же вне города церковь Воздвижения. Пришел в нее князь Петр помолиться, и явился ему отрок, сказавший:

— Княже! Я покажу тебе Агриков меч. Иди за мной.

И показал ему скважню в алтарной стене между керамидами², а в ней лежал меч. Доблестный князь Петр взял меч и с того дня искал подходящего времени, чтобы убить змия.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе приветствовать их. Случилось ему прийти в покои брата своего, и от него — в покои снохи. У нее увидел брата своего, от которого он только что вышел. Поняв пронырство лукавого змия, он, желая твердо убедиться, пошел к брату и спросил его, выходил ли он из покоев своих. Тот ответил, что не выходил и у жены своей не был. Тогда князь Петр сказал:

— Никуда не выходи из покоев своих. Я иду сразиться с лукавым змием.

¹ *Агрик* — сказочный богатырь. Рассказывали, что он побеждал исполинов и чудовищ. Он собрал несметную сокровищницу оружия, среди которого был и меч-кладенец.

² *Керамиды* — керамические плиты, обычно закрывающие погребения.

И, взяв Агриков меч, пошел в покои к снохе. Там увидел он змия, видом подобного брату; но Петр, твердо удостоверившись, что это не брат, но лукавый змий, ударил его мечом. Змий обратился в свой естественный вид и пал мертвым в судорогах, забрызгав князя Петра своею кровью. От той вражьей крови тело Петра покрылось струпиями и открылись язвы, и напала на него тяжкая болезнь. Стал он искать врачей, но ни один не мог ему помочь.

Прослышав, что в Рязанской земле много врачей, князь Петр повелел везти себя туда, сам же он не мог сидеть на коне от своей тяжелой болезни. Когда его привезли в Рязанскую землю, он послал своих приближенных искать врачей.

Юноша, слуга его, заехал в село Ласково. Подъехал он к воротам одного дома, во дворе не видит никого. Он вошел в дом, нет никого, кто бы его услышал; вошел в горницу и увидел чудное зрелище: сидит девица одна, ткет полотно, а перед нею скачет заяц.

И сказала девица:

— Плохо дому без ушей, а горнице без очей.

Юноша не понял ее слов и спросил:

— Где хозяин этого дома?

Она же в ответ:

— Отец мой и мать ушли плакать взаймы, брат же мой пошел через ноги смотреть смерти в глаза.

Юноша снова не понял ее речей, только дивился, видя и слыша такие чудеса, и сказал:

— Вошел я к тебе и вижу тебя за работой и зайца, скачущего перед тобою, и слышу странные слова и не пойму, что говоришь.

— Чего же ты не понимаешь? Ты пришел в дом, и в горницу мою вошел, и увидел меня сидящей в простом платье. Если бы был во дворе пес, он почуял бы тебя и залаял: пес — уши дома. А если бы в моей горнице было дите, увидело бы оно тебя и сказала мне: дите — очи дома. А отец мой и мать пошли на похороны и там плачут, а когда за ними смерть придет, другие будут плакать над ними, ибо это плач взаймы. Я говорила тебе о брате. Отец мой и брат — древолазы, в лесу они собирают с деревьев

дикий мед. Брат же мой нынче пошел на свое дело, полез высоко на дерево и через ноги смотрит на землю, как бы не сорваться с высоты и не разбиться насмерть. Потому я и сказала, что он через ноги на смерть глядит.

Сказал ей юноша:

— Вижу, что ты дева мудрая. Скажи мне свое имя.

— Меня зовут Феврония.

— А я слуга муромского князя Петра. Князь тяжело болен. Весь покрыт струпиями и язвами от крови свирепого летающего змия, которого убил своею рукою. У себя он не нашел, кто бы излечил его. Потому велел привезти себя сюда, слышал, что здесь много врачей. Мы не знаем, где они живут, и ищем их здесь.

— Тот сможет его излечить, кто потребует князя твоего себе, — сказала девица.

Юноша спросил:

— Что такое ты говоришь — потребует себе. Если кто излечит князя, он того богато одарит. Скажи мне имя врача, кто он и где живет.

— Приведи князя твоего сюда. Если будет добросердечен и не высокомерен, то будет здоров.

Юноша скоро возвратился к своему князю и поведал ему все подробно, что видел и слышал от девицы. Петр велел везти себя к ней. Привезли его во двор, он послал слуг своих спросить, кто же врач, который может излечить его, и обещал его богато одарить. Девица же без обиняков ответила:

— Я — врач, но даров мне не надо. Мое слово таково: если не буду его супругой, нечего мне и лечить его.

Князь же Петр пренебрег ее словами, подумав: «Как князю взять в жены дочь древолаза?» А сам послал к ней сказать:

— Пусть лечит, если излечит, то возьму ее в жены.

Когда ей сказали слова князя, она взяла маленький сосудец, почерпнула хлебной закваски, дунула на нее и сказала:

— Истопите своему князю баню и пусть помажет этой мазью свои струпия и язвы, но один струп пусть оставит, и будет здоров.

Князь велел затопить баню и, желая испытать, так ли мудра девица, как сказал юноша слуга, послал ей пучок льна, сказав:

— Сия девица хочет, чтобы я взял ее в жены ради мудрости ее. Если мудра, то пусть, пока я моюсь в бане, сделает из этого пучка льна мне сорочку, порты и полотенце.

Девица, услышав слова князя, велела слуге:

— Полезай на печь и сними поленце.

Он подал ей поленце. Она, отмерив пядь¹, сказала:

— Отсеки вот столько от поленца.

Когда же слуга сделал, как она повелела, Феврония сказала:

— Возьми чурочку, дай ее князю и скажи: пока я лен очешу, пусть твой князь приготовит мне из этой чурочки станок и все снаряжение, чтобы я могла соткать ему полотно.

Слуга принес князю чурочку и передал ему слова Февронии. Князь же сказал:

— Иди, скажи девице, что невозможно сделать станок из такой чурочки и в столь короткий срок.

Слуга вернулся к Февронии и передал ей речи князя. Феврония же ответила:

— А разве возможно в такой короткий срок из такого малого пучка льна соткать взрослому мужчине сорочку, порты и полотенце?

Слуга снова пошел к князю и сказал ему ответ Февронии. Он же удивился ее мудрости.

Помылся Петр в бане и помазал язвы и струпья мазью, что дала ему Феврония. Только один струп, как она ему велела, оставил непомазанным. Вышел он из бани, а наутро увидел, что все тело здорово и гладко, только остался тот струп, что он не помазал. Дивился князь своему скорому исцелению, но не захотел взять Февронию в жены из-за ее низкого рода и послал ей дары. Она же не приняла их.

Поехал князь Петр в свою отчину, в город Муром, и был совсем здоров. Но от непомазанного струпа с первого

¹ *Пядь* — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев — большого и указательного.

же дня стали расходиться струпья на теле его, и вскоре он вновь покрылся струпьями и язвами.

Снова поехал князь к Февронии за исцелением. Приехав к ее дому, со стыдом послал к ней посла, прося излечить его.

Феврония же, нимало не гневаясь, сказала:

— Если будет мне супругом, будет исцелен.

Тогда он дал ей твердое слово, что возьмет ее в жены. Она же опять дала ему ту же мазь и сделала все, как я раньше писал. Князь вскоре выздоровел и взял ее в жены. Так Феврония стала княгиней. Прибыли они в отчину свою, в град Муром, и жили благочестиво и праведно.

Вскоре скончался князь Павел, о котором речь была прежде, и князь Петр стал самодержцем в городе Муроме. Бояре муромские невзлюбили Февронию из-за наветов своих жен, ибо те не хотели, чтобы государыней над ними была неродовитая. И стали они наговаривать на нее князю:

— Она за столом не умеет сидеть. А перед тем как встать, собирает со стола крохи, как голодная.

Князь Петр захотел испытать свою княгиню и повелел Февронии обедать за одним с ним столом. Когда кончился обед, она собрала в руку крохи, по своему обыкновению. Князь Петр взял ее за руку, разжал ей пальцы и увидел на ее ладони зерна благовоного ладана. С того дня он больше ее не испытывал.

Через некоторое время пришли к нему бояре в ярости и говорили:

— Хотим служить тебе по правде как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы княгиня Феврония была государыней над нашими женами. Если хочешь быть самодержцем, найди себе другую княгиню, а Феврония пусть возьмет себе богатства всякого и идет куда хочет.

Блаженный¹ князь Петр никогда не впадал во гнев и спокойно ответил:

— Скажите о том Февронии, послушаем, что она скажет.

¹ Блаженный — благой, добрый.

Неистовые же бояре, потеряв всякий стыд, устроили пир и, когда охмелели, начали как псы лаять и говорить:

— Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: «Дай нам то, что мы у тебя просим».

Она ответила:

— Возьмите, что просите.

Они все в один голос закричали:

— Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть будет самодержцем над нами. Но наши жены не хотят, чтобы ты была госпожою над ними. Возьми богатство всякое и уходи куда хочешь.

Феврония ответила:

— Обещала вам, что вы получите то, что просите. Дайте же и вы мне, что я попрошу у вас.

Они же, злодеи, обрадовались, не ведая будущего своего, и клятвенно обещали ей беспрекословно дать то, что она попросит. Она сказала:

— Ничего не прошу себе, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет, не будем спорить, — ответили бояре.

Дьявол подсказал им: если не будет князя Петра, то поставят себе другого князя. И каждый боярин в уме своем хотел стать самодержцем.

Блаженный князь Петр не мог оставить жену свою ради княжения и решил покинуть Муром.

Злочестивые бояре приготовили им суда на реке, ибо под Муромом течет река, называемая Ока. И поплыли они вниз по реке.

Когда пришел вечер, пристали они к берегу. Князь же Петр начал думать: «Что будет дальше? Сам я своей волей отказался от княжения».

Княгиня же Феврония, поняв его мысли, сказала:

— Не скорби, князь, милостивый Бог не оставит нас в нужде.

Когда готовили ужин, повар срубил ветки и повесил на них котлы. После ужина княгиня Феврония ходила по берегу и, увидев срубленные ветки, благословила их и сказала:

— Пусть вырастут из них наутро высокие деревья с ветвями и листьями.

Так и сбылось. Встав утром, нашли, что те ветки стали большими деревьями.

Когда слуги стали складывать пожитки в суда, чтобы плыть дальше, пришли вельможи из Мурома и сказали:

— Господине княже! Мы пришли к тебе от всех вельмож и от всего города. Не оставь нас сирыми, возвращайся в отечество свое. Многие вельможи в городе друг друга перебили, ибо каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. Оставшиеся в живых все мы, хоть и прогневили тебя, молим тебя и твою княгиню: не оставляйте нас, рабов своих, хотим вас, и любим, и просим.

Вернулись в Муром князь Петр и княгиня Феврония. И княжили во граде том как чадолюбивые отец и мать.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских».

Худ. И. Пчелко

Всех равно любили, только не любили гордости и грабежа. Принимали странников, насыщали голодных, одевали нищих, избавляли несчастных от напастей.

Когда же подошел конец их жизни, они стали молить Бога, чтобы им преставиться в один час. И повелели вытесать из одного большого камня единый гроб с преградой посредине и завещали положить тела их в том гробу. Сами же в одно время облачились в иноческие одежды и приняли монашество. Князь Петр был наречен Давыдом, а княгиня Феврония — Ефросинией.

Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала для соборного храма Богородицы воздух¹ с ликами святых. Блаженный же князь Петр, нареченный Давыдом, прислал к ней сказать:

— Сестра Ефросиния! Душа моя уже хочет покинуть тело, но жду тебя, дабы вместе отойти.

Она же в ответ:

— Подожди, господине, дошью я покров в святую церковь.

Он вторично посылает к ней:

— Еще недолго могу ждать тебя.

И третий раз послал к ней:

— Уже час мой настал, не могу больше ждать тебя.

Она же заканчивала воздух, только у одного святого не вышила ризы². Кончив вышивать лицо, воткнула в покров иглу и обмотала вокруг нее нитку, которой шила, и послала к блаженному Петру, нареченному Давыдом, о том, что она готова преставиться вместе с ним. Помолившись, предали оба вместе чистые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

После их преставления захотели люди похоронить Петра внутри города, в соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию — вне города, в женском монастыре, в церкви Воздвижения. И сделали им отдельные гробы и положили их врозь. Общий же гроб, который они повелели истесать из единого камня, остался стоять пустым в соборной церкви внутри города.

¹ Воздух — покров для чаши.

² Риза — парчовое, тканное золотом или серебром одеяние без рукавов, верхнее церковное облачение священнослужителя.

Наутро люди увидели, что их гробы пусты, и тела их обретаются внутри города, в соборной церкви, в едином гробе, который они повелели для себя истесать. Неразумные люди, которые и при жизни хотели их разлучить, не захотели оставить их вместе и после их преставления. Они снова переложили их в отдельные гробы и опять разнесли по разным местам. И снова наутро обрели их в едином гробе. Уже больше не осмеливались прикоснуться к святым их телам и положили их в едином гробе, как они сами повелели, в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри града. И лежат они там на просвещение и на спасение граду тому.

Вопросы

1. Какими чувствами пронизаны поступки главных героев?
2. На что надеялась Феврония в трудные минуты жизни?
3. Почему вельможи и народ города стали просить героев вернуться назад?
4. Что вы могли бы сказать о характерах главных героев повести, их поступках?

Обогащаеме своєю речю

- Каковы особенности речи Февронии и как они Февронию характеризуют?

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Михаил Васильевич
ЛОМОНОСОВ

1711—1765

...Для России было счастьем, что столь деятельный, столь гениальный ум оказался направлен в сторону наук, наиболее нужных в то время стране и народу...

Живой творческий ум и ученая любознательность Ломоносова не имели границ. По монастырским книгохранилищам разыскивал он древнерусские летописи. По ним составили «Историю Российскую»...

Горячность, страстность, вспыльчивость, готовность ежечасно умереть за свою правду, праведный гнев, движимый на всех, кто мешает и не радеет об умножении наук в России, — эти свойства Ломоносова и врагов ему создавали, и ярость их поддерживали...

Однако гений архангельского мужика сиял столь светло, что загородить этот свет уже было не под силу никому...

Михайло Васильевич не дожил до старости. Весною 1765 года он простудился и умер.

Перед смертью говорил другу своему Штелину:

— Я пожил, потерпел и умираю спокойно. Жалею только, что не мог завершить все, что делал для родины, для блага науки в России, для славы Академии. Не тужу о смерти, дети отечества вспомнят обо мне и пожалеют...

Б. В. Шергин.

«Слово о Ломоносове» (сказ)

Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 году в деревне Денисовка, близ Холмогор, около Архангельска, в семье государственного крестьянина, который занимался земледелием и рыбным промыслом. Ломоносов помогал отцу и выходил с ним на небольшом судне в океан. Уже в детские годы он выучился грамоте, мог читать и писать. В декабре 1730 года без ведома отца ушел в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Крестьяне не получали в нее доступа, но Ломоносов скрыл свое низкое происхождение. За пять лет он прошел восьмилетний курс обучения, овладел латынью и успешно усвоил другие науки. В 1736 году после завершения обучения он был послан в Германию для изучения механики, физики, химии, горного дела и языков, в июне 1741 года вернулся в Петербург.

С этого времени началась его блестящая академическая деятельность. В 1745 году он становится профессором химии. Научные открытия следуют одно за другим. И нет, пожалуй, такой области знания, куда бы не проник светлый ум Ломоносова. По его инициативе был открыт в 1755 году Московский университет. Впрочем, он и сам был, по глубокому и верному замечанию Пушкина, «первым нашим университетом».

Смыслом жизни Ломоносова до самого последнего дня было «утверждение наук в отечестве», которое он считал залогом процветания своей родины. Тем же пафосом просвещения проникнута его филологическая и поэтическая деятельность. Многостороннее дарование ученого проявилось в этих областях с исключительной силой и подлинным новаторством. В 1757 году Ломоносов пишет пре-

дисловие к собранию сочинений «О пользе книг церковных в российском языке», в котором излагает знаменитую теорию «трех штилей»¹: «высокий» — церковно-славянские слова и русские, «средний» — русские слова с небольшой примесью церковно-славянских, «низкий» — русские слова разговорного языка с добавлением простонародных и малого числа церковно-славянских. Каждому «штилю» соответствуют свои жанры: «высокому» — героические поэмы, оды, трагедии; «среднему» — драмы, сатиры, эклоги, дружеские письма, элегии; «низкому» — комедии, эпиграммы, песни, басни.

Реформы Ломоносова в сферах литературного языка отвечали культурным потребностям нации. Тема могущества и величия России сочеталась в его поэзии с прославлением Петра I как просвещенного государя. Основной лирический тон его произведений — торжественный. Убежденный и «самобытный сподвижник просвещения», как назвал Ломоносова Пушкин, автор восторженных од пропел хвалу человеческому разуму и сам явился живым воплощением его дерзновенной мощи.

В. И. Коровин

Вопрос и задачи

1. Расскажите, в чем необычность курса обучения, пройденного М. В. Ломоносовым, и деяний его как ученого, поэта и общественного деятеля.
2. Какие жанры относятся к каждому из «трех штилей»?

К статуе Петра Великого

Елисавета здесь воздвигла зрак Петров
К утехе россов всех, но кто он был таков,
Гласит сей град и флот, художества и войски,
Гражданские труды и подвиги геройски.

¹ Штиль — устаревшее слово. Стиль — манера выражения мысли.

ОДА

на день восшествия на всероссийский престол
Ее Величества Государыни Императрицы
Елисаветы Петровны 1747 года

(Отрывок)

...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде...

Вопросы

1. К каким «штилям» относятся приведенные в учебнике произведения Ломоносова?
2. Какова главная мысль каждого из них?
3. Какие труды Ломоносова вам известны?

Обогащайте свой язык

1. Посмотрите в словаре литературоведческих терминов значение слов *ода*, *поэма*, *трагедия*, *драма*, *сатира*, *эпиграмма*. Вспомните, к каким «штилям» относят эти жанры великий

ученый и поэт. Какие слова придают прочитанным текстам особую торжественность?

2. Приведите примеры, в каких случаях можно использовать в современной речи слова *слыл, дерзать, утеха*. Как вы понимаете строки: *...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать, Науки юношей питают, / Отраду старым подают?*
3. Составьте небольшой словарь устаревших слов.
4. Составьте рассказ о поэте, опираясь на прочитанные произведения и статьи.
5. Подготовьте выразительное чтение одного из стихотворений или одной из од, подумайте над «похвальным словом Ломоносову — поэту, ученому, общественному деятелю».

Гавриил Романович ДЕРЖАВИН

1743—1816

Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина.

Н. В. Гоголь

Гавриил Романович Державин родился в Казанской губернии в небогатой дворянской семье в 1743 году. Обучался он в казанской гимназии, закончить которую, однако, не удалось. В 1762 году прибыл в Преображенский полк, через десять лет был произведен в прапорщики. Стихи писал уже давно. Но настоящая поэтическая работа началась в Петербурге, когда в 1777 году он был переведен в статскую службу.

Державин был назначен правителем сначала Олонеккой, затем Тамбовской губернии. Решительность, с какой он преследовал злоупотребления, прямой и крутой нрав часто мешали его служебной карьере. В 1791 году Екатерина II сделала его кабинет-секретарем, но вскоре перевела в сенаторы. Воцарившийся на престоле Павел I в 1798 году призывает его на службу, назначая государственным казначеем, но быстро отказывается от его услуг. Так же поступил и Александр I, сделавший Державина министром юстиции, но через год освободивший поэта от этой обязанности.

Выйдя в отставку, Державин всецело посвятил себя литературным трудам. Державин-гражданин увидел, а Державин-поэт предал позору продажность сильных мира сего, открывших дорогу «злодейству и неправде», и призвал на их голову страшную кару:

Воскресни, Боже! Боже правых!

И их молению внемли:

Приди, суди, карай лукавых,

И будь един царем земли!

(«Властителям и судиям»)

Новое содержание поэзии требовало новых форм выражения. Соединяя слова «высокие» и «низкие» не только в пределах одного произведения, но и ставя их часто рядом, добиваясь при этом большой выразительности, поэт открывал дорогу развитию реалистического языка. Художественные открытия поэта обогатили русскую поэзию и преобразовали ее. Вот почему наследие его не уходит из нашей жизни.

В. И. Федоров

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им:
Ум и сердце человечье

Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел, —
Не собой блистал я, Богом:
Вне себя я Бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моей царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождам, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света оболъщен, —
Признаюсь, красотою
Был плененным, пел и жен.
Словом: жег любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век. —
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

На птичку

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

Последние стихи Державина

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Вопросы и задания

1. Какие стороны державинского мастерства отразились в «Признании»?
2. Над чем заставляют задуматься стихотворение «Река времен в своем стремленьи...» и четверостишие «На птичку»?
3. Подготовьте небольшое сообщение о Г. Р. Державине и выразительное чтение одного из его стихотворений.
4. Против чего боролся Державин в жизни и в поэзии?

Развивайте дар слова

1. Какие слова и словосочетания в произведениях Державина вы бы отнесли к устаревшим? Какие — к разговорным, какие — к просторечным? Что их сочетанием достигается?
2. Как вы понимаете строки:
«Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им:
Ум и сердце человечье
Были гением моим.»;
«Падал я, вставал в мой век»?
3. Подготовьте «похвальное слово Державину — поэту и гражданину» или диалог о его жизни и творчестве.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

Чудесный талант! Какие стихи!
Он мучит меня своим даром, как
привидение!

В. А. Жуковский

«Кудрявая голова и восторженный пытливый взгляд. Волшебный бег гусиного пера и пылкая, отзывчивая душа поэта. Любовь к Пушкину входит в нас с детства. Это больше чем любовь к великому поэту. Это любовь к народу, имеющему такого поэта. Россия немыслима без Пушкина, — пишет поэт Лев Озеров. — Вступающий, уже вступивший в жизнь человек на школьной скамье, дома, в институте знакомится, сперва в общих чертах, а затем в подробностях, с жизнеописанием Пушкина, с его сочинениями...

Каждое новое поколение живо иллюзией¹, что оно до конца разобралось в Пушкине, что никаких загадок в нем больше нет. Но проходит десятилетие, а подчас и менее, и вчерашнее знание о Пушкине кажется недостаточным, неполным. Новый опыт людей подсказывает новое прочте-

¹ *Иллюзия* — обман чувств, то, что кажется.

ние Пушкина, раскрывает доселе неизвестные особенности его наследия».

Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году в Москве. Отец его, Сергей Львович, происходил из старинного дворянского рода. Имена предков Пушкина не раз встречаются на страницах русской истории. Мать, Надежда Осиповна, была внучкой Ганнибала, «арапа Петра Великого», ставшего впоследствии русским генералом. Сергей Львович увлекался литературой, его брат, Василий Львович, — известный поэт. В их доме бывали Н. М. Карамзин, молодой В. Жуковский. Страсть к поэзии появилась у А. С. Пушкина с детства. Восьми лет он уже сочинял стихи, в детские годы познакомился с произведениями русской и зарубежной литературы. Другим источником духовного развития Пушкина стали рассказы бабушки о старине и сказки няни Арины Родионовны.

В 1811 году будущий поэт поступает в только что открывшийся Царскосельский лицей¹. В 1820 году выходит его первая поэма «Руслан и Людмила». Он обращается к древнерусским преданиям, с восторгом читает «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, русские летописи. Позднее он создал трагедию «Борис Годунов», посвященную историческим событиям конца XVI века, исторический роман из эпохи Петра «Арап Петра Великого», поэмы «Полтава» и «Медный всадник».

Творчество Пушкина вобрало в себя все достижения российской поэзии. Предшественники поэта относятся к нему, «как малые и великие реки к морю, которое наполняется их волнами», — писал Белинский. Большинство русских писателей XIX века испытали его плодотворное влияние. «Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему», — говорил Гоголь. Тургенев называл себя учеником Пушкина. Влияние пушкинской прозы на свое творчество отмечал и Лев Толстой. Пушкин завершил процесс создания русского национального литературного языка. «Слов немного, — пишет о его стиле Гоголь, — но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт».

¹ Пушкинист Ю. М. Лотман пишет в книге «Александр Сергеевич Пушкин» о том, что заменой мира детства для поэта стал Лицей.

В наши дни осуществилось пророческое предсказание Белинского о том, что придет время, когда Пушкин «будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

По С. М. Петрову

Вопросы

- Что нового о Пушкине сообщил вам каждый из отзывов и чье высказывание близко вашему пониманию поэта? Чем интересны для вас жизнь и личность Пушкина?

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПУШКИНА

Без особых причин никогда он не изменял порядка своих занятий. Везде утро посвящал он чтению, выпискам, составлению планов или другой умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду... Писать стихи любил он преимущественно осенью...

П. А. Плетнев

...Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово.

В. И. Даль

...Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы... Когда чуял он налет вдохновения¹, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался...

П. А. Вяземский

¹ Вдохновение — творческий порыв, подъем, прилив творческих сил.

Изо всех времен года он любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него была лучше. Он говорил, что только осенью овладевает им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана последняя в то время поэма: «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части... Несмотря, однако же, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнится, в три недели...

М. В. Юзефович

Как же сам Пушкин говорил о своем труде, о вдохновении? Прочитаем строки его поэтических воспоминаний:

...в сладкой тишине

Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,

Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

Вопросы и задания

1. Вы прочитали строчки стихотворения Пушкина, передающие вдохновение поэта, воспоминания его современников. На что вы обратили особое внимание? Сформулируйте ответ на вопрос: в чем своеобразие творческой работы А. С. Пушкина?

2. Рассмотрите репродукцию портрета поэта, фотографии памятника ему и кабинета. Подготовьте сообщение-рассуждение на темы: «Вдохновенный труд поэта», «Личность Пушкина», «Портреты поэта», «Памятник Пушкину», «Каким я представляю себе Пушкина» — на выбор.
3. Как известно, желание воскресить минувший век во всей его истине привело поэта к изучению материалов предшествующих эпох. Одним из любимых исторических деятелей был Петр I. В поэме «Полтава» описывается победа Петра I над шведскими войсками, вторгшимися в Россию в 1709 году. Найдите самостоятельно в поэме «Полтава» фрагмент, посвященный Полтавской битве, подготовьтесь к его выразительному чтению и обсуждению в классе, используя вопросы и задания.

Будьте внимательны к слову

1. Что вас особенно поразило в описании Полтавского боя? Так ли вы представляли себе это грандиозное историческое сражение?
2. Как вы понимаете строки и отдельные слова, словосочетания? Какие картины возникают перед вашим мысленным взором: «Горит восток зарею новой», «Дым багровый кругами всходит к небесам», «В кустах рассыпались стрелки», «Поле ровное», «Как пахарь, битва отдыхает», «И за учителей своих задранный кубок подымает»? Какие литературные приемы использованы поэтом для описания Полтавского боя и какой эффект достигается с их помощью?

Развивайте дар слова

1. Чем особенно важно было для русских войск сражение со шведами? Подтвердите свой ответ сведениями из истории. Какие примеры текста подтверждают, что речь идет об историческом сражении?
2. Сравните описание Петра I и Карла XII (их внешний вид, настроение, поступки и т. д.). Можно ли по этому описанию определить отношение автора к героям? Расскажите об одном из героев.
3. Подготовьте к выразительному чтению наизусть отрывок, подчеркнув во время чтения и напряжение боя, и его стремительность, и радость победы, и восхищение отвагой Петра и его сподвижников, великодушное отношение Петра к побежденным.

Литература и живопись

1. Рассмотрите репродукцию картины М. В. Ломоносова «Полтавская баталия». Известно, что, создавая мозаичную картину, ее автор провел со своими учениками три тысячи

«Полтавская баталия». С мозаичной картины М. Ломоносова

- опытов, выплавил множество кусочков стекла. Какие впечатления остались у вас от этой картины? Какие детали картины перекликаются с отрывком «Полтавский бой» из поэмы «Полтава»?
2. Иллюстрации каких художников наиболее близки, по вашему мнению, пушкинскому тексту?
 3. В поэме «Медный всадник» воспевается град Петров. Познакомьтесь с этим текстом.

Медный всадник

(Отрывок)

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод; ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

❓ Вопросы и задания

1. Понравился ли вам отрывок? Какие литературные приемы помогли поэту воспеть град Петров и будущее России?
2. Подготовьтесь к выразительному чтению, обратите внимание на ритм, настроение, мелодию, которые сопровождают различные строки «Медного всадника»¹.

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...»

«Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...»

«Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...»

3. Как вы понимаете строки?

«Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...»

4. Какие чувства поэта пронизывают весь текст и передаются ли они вам?

¹ Найдите рассказы о том, как читал свои произведения сам Пушкин (во второй части учебника-хрестоматии, в разделе «Поработайте самостоятельно»).

«Медный всадник». Памятник Петру I
в Санкт-Петербурге. Скульпт. М. Фальконе

Литература и живопись

1. Рассмотрите иллюстрации различных художников к пушкинским произведениям. Кто из них ближе, по вашему мнению, к пониманию характеров героев?
2. Какие памятники Петру I вам известны? Какой бы вы предложили памятник Петру, герою пушкинской «Полтавы»?

О ЛЕТОПИСНОМ ИСТОЧНИКЕ «ПЕСНИ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ»

Многие поэты и прозаики обращались к прошлому и находили в нем немало увлекательных преданий и легенд, на основе которых создавали свои произведения. Особенно интересный материал давали древнерусские летописи. Прочитаем историю об Олеге в летописи.

<Сказание о смерти Олега от коня>

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь¹. Бѣ бо въпрашал волхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣдиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ², си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повелѣ кормити ѥ не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже³ на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывышю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мѣй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на мѣсто, идже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и сѣде с коня, и посмеся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?» И вѣступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова. И бысть всѣх лѣт княженца его 33.

* * *

Известный литературовед-пушкинист Сергей Михайлович Бонди пишет, что «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина — это пересказ сохранившейся в летописи легенды о смерти киевского князя Олега (X век), предсказанной ему волхвом (жрецом славянского бога Перуна⁴). Олег в летописях прославляется как мудрый («вещий») князь и победитель врагов Киевского княжества, не только хазар — кочевого племени, нападавшего на русские владения, — но

¹ ...на нь — на него.

² ...приим въ умѣ — подумал про себя, запомнил.

³ Дондѣ, дондѣже — пока, пока не; когда, как только, как.

⁴ Перун — бог грома и молнии у древних славян.

и Византийской империи. По летописному преданию, Олег овладел столицей империи Константинополем (русские называли его Царьград) и, уйдя оттуда, в знак победы прибил на воротах города свой щит. После смерти Олега княжить в Киеве стал князь Игорь, а после него — его жена княгиня Ольга.

В словах волхва — «вдохновенного кудесника» — Пушкин, несомненно, выражает и свое собственное отношение к преследующему его «могучему владыке», царю, и декларирует независимость, правдивость подлинной поэзии: «Волхвы не боятся могучих владык, А княжеский дар им не нужен; Правдив и свободен их вещий язык И с волей небесною дружен».

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам¹,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне²,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

¹ *Хозáры* (или *хазáры*) — народ, живший некогда в южнорусских степях и нападавший на Древнюю Русь.

² *Броня* — одежда из металлических пластинок или колец; защищала воина от удара меча, копья.

«Песнь о Вещем Олеге». Худ. В. Васнецов

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,

И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному¹ полю.
И холод и сеча² ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки³-друзи, возьмите коня,
Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминуют минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

¹ Бранное поле (или поле брани) — поле битвы.

² Сеча — сражение.

³ Отроки — здесь: молодые слуги князя.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне¹, уже недалекой,
Не ты под секирой² ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запеньясь, шипят
На тризне плачевной Олега;

¹ *Тризна* — похоронный обряд у древних славян.

² *Секира* — боевой топорик с длинной рукоятью.

Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Вопросы и задания

1. Подготовьте развернутый ответ на вопросы: что поведал кудесник о жизни князя? Сравните тексты баллады и летописи. В чем вы видите разницу и что в них общего?
2. Как раскрываются отношения «могучего владыки» и «мудрого старца» в их диалоге? Что вы можете сказать о каждом из них и кто кажется вам привлекательнее? На чьей стороне автор?
3. Литературоведы считают, что словами волхва Пушкин провозгласил независимость поэзии и духовную свободу поэта от мирской власти царей... Согласны ли вы с этим суждением?
4. Читателю всегда интересно отношение автора к своим произведениям. Так, в письме к А. Бестужеву А. С. Пушкин пишет: «Тебе, кажется, „Олег” не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Как бы вы оценили в собственном отзыве «Песнь о вещем Олеге» Пушкина?

5. Во многих случаях Пушкин обыгрывает прощание с конем драматургически (как в пьесе, в фильме), указывая на жесты, позу, поведение, состояние, настроение. Приведите примеры. Как это отражено в иллюстрациях В. Васнецова?

Какие еще литературные приемы делают балладу рассказом о старине живым и эмоциональным, торжественным и проникновенным?

Разбивайте дар слова

1. Подумайте, с какой целью в балладе используются устаревшие слова (*тризна, чело, секира* и др.) и как можно объяснить появление не соответствующих седой старине слов «обманчивый вал», «дивная судьба», «незримый хранитель» и пр.
2. Объясните слово «вещий». К кому в большей степени, по вашему мнению, оно относится (к князю или к кудеснику)?

3. Известно, что в черновом варианте были слова «*престарелый* кудесник», в окончательном — «*вдохновенный* кудесник». Что меняется в представлении о характере героя с заменой одного слова?
4. Большое место в балладе отводится прощанию князя с конем, воспоминаниям о нем. И здесь замечаем поиск поэтом нужного слова. В первоначальном тексте читаем: «Он по полю едет на *смирном* коне», в окончательной редакции: «Князь по полю едет на *верном* коне». Что достигается заменой слова?

21 Обогащаем свое речь

1. Вы прочитали летопись и пушкинский текст «Песни о вещем Олеге». Какой из этих текстов лучше пересказать, какой — инсценировать или прочитать по ролям? Какие произведения изобразительного искусства предпочтительнее для каждого из текстов (иллюстрации, памятки, портреты героев)?
2. Подготовьте балладу к выразительному чтению в классе, передайте при чтении собственное отношение к событиям и героям.
3. Рассмотрите иллюстрацию. Так ли вы представляли себе героев? Если бы вам предложили подготовить памятник литературному герою, кому бы вы его поставили — князю или кудеснику? Как бы он выглядел (из чего сделан, где поставлен)? Подготовьте сценарий диафильма на основе текста «Песни о вещем Олеге» с помощью иллюстраций к ней.

ПУШКИН-ДРАМАТУРГ

Известно, что еще юношей Пушкин интересуется драматургией*, театром. В драме* «Борис Годунов», созданной незадолго до восстания декабристов, поэт вновь обращается к исторической теме. Он показывает царя и патриарха¹, дворянство и народ, перенося действие из центра русского государства на русско-литовскую границу, из дворца Бориса Годунова на площадь, из боярских палат в келью Пи-

¹ *Патриарх* — высшее духовное лицо, глава Русской православной церкви.

мена. «Сложными путями пришел Пимен, — по мнению исследователя-пушкиниста Б. Городецкого, — к монашеской келье, пройдя, быть может, через опалу и гнев Грозного... Много переживший, умудренный жизненным опытом, страданиями и думами, Пимен оказывается в состоянии возвышаться в своих суждениях до значительных обобщений. Поэтому его суровые слова о Борисе:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли... —

воспринимаются как отзвук грозного „мнения народного” о царе — преступнике». Необычайно выразительны и другие действующие лица драмы. Литературовед Г. Фридлиндер в предисловии к книге «А. С. Пушкин. Драматические произведения» пишет: «Фигура Бориса Годунова — царя, который не получил престол по наследству, как потомок древнего царского рода, но завоевал его хитростью, умом и энергией, — характерна для того времени». Царь Борис — в изображении Пушкина — умный и дальновидный властитель. Благодаря уму и энергии он оттеснил более родовитых бояр, расчистив для себя дорогу к престолу. Но, захватив престол в результате политической игры, Борис своим личным примером показал путь к нему другим политическим честолюбцам. Если один человек темного происхождения проложил себе путь к царскому венцу, то почему не может захватить его другой, хотя бы и простой чернец, раз он чувствует в себе достаточно сил. Такие мысли, как показывает Пушкин на примере Григория, не могут не возникнуть...

Сложен у Пушкина и образ Самозванца. Это пылкий юноша, который рвется из ненавистных ему стен обители и которого страстно влечет неизвестный ему большой мир. Григорий — не знатный дворянин, а простой чернец — в дальнейшем обнаруживает смелость, ум, дипломатические способности, которые в глухом монастыре никогда не смогли бы раскрыться и проявиться с такой силой. Однако он принужден играть чужую роль, притворяться. Народ с его высоким нравственным сознанием равно осуждает

и Бориса, и Самозванца, для которых дорога к власти лежит через насилие и преступление.

Оконченный в 1825 году «Борис Годунов» был напечатан лишь в 1830 году.

* * *

Итак, обратим внимание на то, как создавался «Борис Годунов», подумаем, почему царь долго не давал разрешения на публикацию этого произведения, прочитаем сцену из «Бориса Годунова», представим себе ее героев, подумаем, как автор относится к ним.

Борис Годунов

(Отрывок)

Ночь. Келья в Чудовом монастыре
(1603 года)

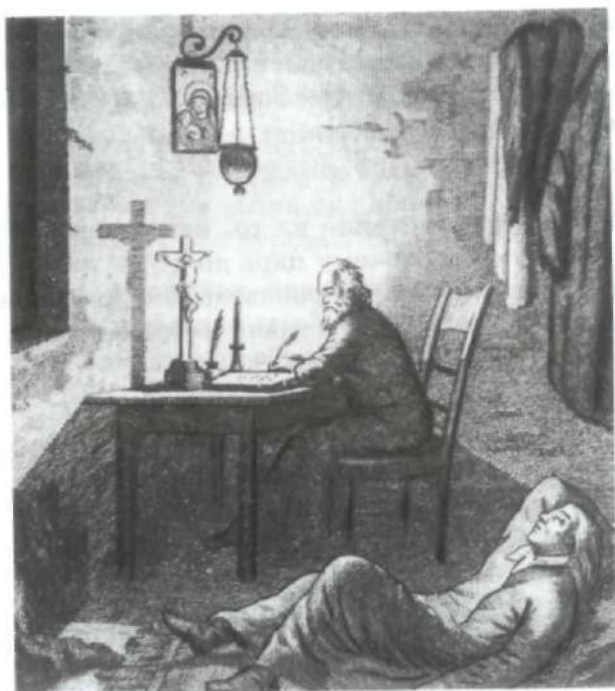
Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен (*пишет перед лампадой*)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безмянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий¹ отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,

¹ Хартия — старинная рукопись, документ.

«Борис Годунов». Гравюра С. Галактионова

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье. *(Пишет.)*

Григорий *(пробуждается)*

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,

Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече¹?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк², в приказах³ поседельый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен

Проснулся, брат?

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —

¹ Вече — в Древней Руси собрание горожан.

² Дьяк — в Древней Руси должностное лицо, ведущее дела какого-нибудь учреждения.

³ Приказ — в Московском государстве XVI—XVII веков учреждение.

И, падая стремглав, я пробуждался...
И три разá мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

П и м е н

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом¹,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доньше — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Г р и г о р и й

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

П и м е н

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,

¹ *Пост* — по церковному обычаю, предписанию, отказ от мясной и молочной пищи.

Как в монастырь Господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах¹
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену² и братья:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий³ спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет⁴ примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму⁵ здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,

¹ *Кромешники в тафьях и власяницах* — опричники (по старинным понятиям грешники, чьи души после смерти будут помещены в ад) в ермолках (тюбетейках) и грубой шерстяной одежде, носимой на голом теле.

² *Игумен* — настоятель монастыря.

³ *Алкающий, алкать* — сильно желать.

⁴ *Обет* — торжественное обещание, обязательство.

⁵ *Схи́ма* — монашеский чин, налагающий самые строгие правила.

И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане¹ святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!
Привел меня Бог видеть злое дело,

¹ *Зане* — потому что, так как.

Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица-мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль.
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтесь!» — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключю
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,

Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Григорий

Борис, Борис! Все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Вопросы и задания

1. Пушкин подчеркивает: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое, усердие, можно сказать набожное к власти царя, данной ему Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших... Мне казалось, что сей характер всё вместе — нов и знаком для русского сердца». Как проявились характеры Пимена и Григория (Самозванца) в сцене «Келья в Чудовом монастыре»?
2. Что вспоминает о Грозном Пимен? Как называет себя сам царь? Кого противопоставляет Грозному рассказчик?
3. Сравните:

Начальный вариант текста

Как я люблю его смиренный лик,
И тихий взор и важное смиренье
(И важный взор и тихое смиренье,
И ясный взор и хладное терпенье).

Окончательный вариант текста

Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет...

Подумайте, что хотел усилить, уточнить поэт в окончательной редакции.

Почему эпитетам «смирный», «тихий», «ясный» автор предпочел слова «спокойный вид»?

Что изменилось, когда автор заменил фразу «Еще одно ужасное преданье...» на «последнее сказанье», начав и закончив этими словами монолог Пимена?

4. Почему Пушкин обращается к фольклору и к истории России?

Обогащайте свою речь

1. Подготовьтесь к инсценированному чтению этого небольшого отрывка. Подумайте, какие интонации требуются для каждого из героев. Найдите в конце учебника рассказ о том, как читал Пушкин «Бориса Годунова».
2. Составьте небольшой словарь слов и словосочетаний, характерных для речи Пимена, например: «воздыхал о мирном житие», «Бог возлюбил смирение», «обет» и пр.
3. К драме «Борис Годунов» создано много иллюстраций. Среди авторов — известные русские художники В. И. Суриков, В. А. Фаворский, В. Г. Перов и др. Рассмотрите рисунки к прочитанной вами в классе сцене. Так ли вы представляли себе героев и келью?

Сцена «В келье Пимена» особенно интересно представлена художником С. Галактионовым. Эта иллюстрация появилась в 1827 году, с первой публикацией «Бориса Годунова». По свидетельству искусствоведов, она передает величие духа летописца, значительность совершаемого им под сводами кельи. Согласны ли вы с этим суждением? Обоснуйте свой ответ.

Подготовьте небольшой очерк в школьную газету «Произведения А. С. Пушкина и иллюстрации к ним в учебнике для 7 класса».

О «ПОВЕСТЯХ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

*Из пояснительных статей литературоведа
А. Л. Слонимского*

...Русская повествовательная проза 20-х годов XIX века была малочисленной, бедной и слабой. Были повести этнографического содержания — например, из украинской

жизни. Были повести из купеческого быта. Были повести и романы исторические, написанные, впрочем, весьма условно. Были первые опыты романтической повести, наполненной картинами неистовых страстей и необыкновенных событий. Но не было повестей, в которых русская жизнь отражалась бы в ее существенных, типических чертах. Этот пробел и был восполнен Пушкиным в «Повестях Белкина», которые явились первым образцом настоящей реалистической прозы...

...В пяти болдинских повестях Пушкин являлся в роли бытописателя, изображающего современную ему жизнь обыкновенных людей, и у него возникло опасение, что издание повестей подобного содержания будет истолковано критикой как падение его таланта. Поэтому он и решил печатать их анонимно, приписав авторство выдуманному лицу — некоему Белкину. Повести вышли в свет в 1831 году под заглавием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».

Главная черта пушкинской прозы вообще и «Повестей Белкина» в частности — это сжатость и простота изложения, из которого не выкинешь ни единого слова, потому что каждое слово на месте и необходимо. Пушкин избегает всяких распространений, ненужных украшений. Его проза — точная, краткая, мужественная, «голая», как однажды выразился Лев Толстой. Всякая мелочь характерна — ведет к чему-то, связана со всем прочим.

Пушкин никогда не вдается в подробное объяснение поступков своих героев. Но он всегда угадывает своим гениальным художественным чутьем, как должен поступить такой-то человек в силу своих социальных навыков и других причин, и угадывает безошибочно, так что мы без всяких толкований сразу чувствуем правду, видим живых людей со всеми их противоречиями.

В «Станционном смотрителе» особенно ярко выразился присущий Пушкину дух гуманности.

О «Повестях Белкина» можно сказать, как и обо всей пушкинской поэзии в целом, что они пробуждали в народе уважение к человеческой личности и содействовали этим общественному прогрессу.

Станционный смотритель

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
*Князь Вяземский*¹

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим² или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Суций мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев³, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро изба-

¹ Эпиграф — слова из стихотворения П. А. Вяземского «Станция». У Вяземского:

Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Первый стих Пушкин, видимо, умышленно видоизменил. Станционные смотрители пользовались чином 14-го класса, по названию «коллежский регистратор», а чина «губернский регистратор» в Табеле о рангах не было.

² ...равными покойным подьячим. — *Подьячий* — младший чиновник в допетровской Руси, писец и делопроизводитель. Для пушкинских времен подьячий — нечто давно исчезнувшее, отсюда эпитет — *покойный*.

³ *Суций мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев.* — По правилам 1808 г. «путешествующим строго запрещается чинить станционным смотрителям притеснения и оскорбления...». Станционные смотрители, хоть и не имеют классных чинов, находясь на своих местах, «пользуются по высочайшей воле 14-м классом».

виться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал, дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь¹ бросает ему на стол свою подорожную²!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса³, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и пла-

¹ *Фельдъегерь* — правительственный курьер.

² *Подорожная* — бумага на право проезда.

³ *Чиновник 6-го класса* — коллежский советник, соответствующий военному чину полковника.

тил прогоны за две лошади¹. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай* — ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал зритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия; — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына². В первой почтенный старик в колпаке и шлафорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено раз-

¹ Платил прогоны за две лошади — подорожные, дававшие право на получение лошадей по установленному тарифу, выдавались на определенное число лошадей, в зависимости от чина. Сверх этого числа лошади нанимались в частном порядке. По две лошади полагалось «нижним чинам и служителям». Ехать на перекладных значило ехать на казенном экипаже, пересаживаясь на каждой станции.

² История блудного сына — евангельская притча о юноше, который вел разгульную (блудную) жизнь, впал в нищету и, раскаявшись, вернулся домой (так представляет себе зритель судьбу Дуни).

вратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Всё это доньше сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзаминном, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятно-го воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого зрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый зритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того

или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошел в комнату, я тотчас узнал картинку, изображающую историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его; — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо; — здесь дорога большая; много проезжих у меня перемывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог ее знает», — отвечал он. «Так видно она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш развяжет язык моего старика знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за

всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не леял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиневывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таким сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягли их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни

«Станционный смотритель». Худ. М. Добужинский

через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошел еще день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не

съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностию, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя,

«Станционный смотритель». Худ. М. Дубужинский

казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку¹, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире². Смотритель решил к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье³. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..»

¹ *Измайловский полк* — район в Петербурге, где расположены были казармы гвардейского Измайловского полка.

² *Демүтов трактір* — гостиница в Петербурге, близ Невского проспекта.

³ *Скуфья* — круглая шапочка.

Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудьте того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций¹. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть еще раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отелужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, —

¹ Ассигнации — бумажные деньги.

не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю». И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукою и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог ее ведает. Всяко случается. Не

ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева¹. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо: холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! Полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

¹ ...как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. — Имеется в виду стихотворение И. И. Дмитриева «Отставной вахмистр» (1791).

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

«Станционный смотритель». Худ. Д. Шмаринов

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудку песку, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька; — я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поезде, ни о семи рублях, мною истраченных.

Вопросы и задания

1. Что характерного из жизни станционных смотрителей сообщил рассказчик в начале повести?
2. Какими увидел он героев во время первой встречи? Что рассказал о бедной Дуне ее отец? Что думал о судьбе дочери Самсон Вырин, почему он так горевал? Сбылись ли предположения станционного смотрителя?
3. В чем художественный смысл картинок на стенах «смиреной, но опрятной обители», изображающих историю о блудном сыне? Есть ли связь между ними и судьбой Дуни? Каким героям повести вы сочувствуете?

4. В «Повестях Белкина» рассказчик и безвестные русские люди, рассказы которых он передает, отличаются отзывчивостью и чуткостью.

Кто из героев повести «Станционный смотритель» не остался равнодушным к беде Самсона Вырина? Найдите в тексте повести эпизоды, подтверждающие ваш ответ.

5. Подготовьте характеристику станционного смотрителя Самсона Вырина.
6. Кому из героев рассказчик симпатизирует? Каким настроением пронизана вся повесть? Какие чувства и размышления она у вас вызвала?

Обогащайте свои факсы

1. Выучите наизусть строчки, в которых Пушкин говорит об особых минутах творчества, прочитайте их вслух, подчеркнув чтением это состояние вдохновения.
2. Повесть «Станционный смотритель» проиллюстрирована рисунками художников М. Добужинского и Д. Шмаринова. Какие из них кажутся вам ближе к пушкинскому тексту? Каким вы представляли себе внешний облик героев?
3. Подготовьте план вечера, посвященного произведениям Пушкина (стихотворения, поэмы, повести).

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Лермонтов — то явление в поэзии, которое принято называть чудом... Он страстно любил Россию, но он не мог не видеть кровоточащие язвы «страны рабов, страны господ...».

Каждый заново для себя открывает Лермонтова. Гений его настолько всеобъемлющ и многосторонен, что эти открытия будут продолжаться без конца.

С. С. Наровчатов

Шел 1814 год. Русские войска возвращались из-за границы и вступали в опаленную пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, ликуя, встречала победителей, в маленьком домике у Красных Ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года, в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Невеселым было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый голосок матери, напевавшей ему грустную песню. Мать умерла, когда ему не исполнилось и трех лет... Отца Лермонтов видел редко: бабушка не любила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный прелестный пейзаж Пензенской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачеве.

Вокруг дома — аллея старинного сада, спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — дымные, в два ряда черные избы и белая церковь села Тарханы. В детстве Лермонтов часто болел. И бабушка три раза возила его на Кавказ, к Кислым Водам. Ездили на своих лошадях, через всю Россию. Кавказ с детских лет вошел в сознание Лермонтова как край свободы, как страна благородных, возвышенных страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это был уже 14-летний подросток, серьезный, хорошо подготовленный домашними учителями. Незадолго до Лермонтова пансион этот окончили многие участники декабрьского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия: по рукам тайно ходили запретные стихи Рыльева, Пушкина... Из пансиона он перешел в Московский университет, учился там в одно время с Герценом и Белинским. В его тетрадах появляются стихи — «Нищий», «Парус», «Два великана».

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл пьесы на скрипке, на рояле, пел арии из своих любимых опер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он рисовал и писал картины маслом, легко решал сложные математические задачи. Он был великолепно образован, начитан, слыл сильным шахматистом, владел несколькими иностранными языками. Все давалось ему легко. И все же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом. Некоторым знакомым Лермонтова, не понимавшим размеров его поэтического таланта, казалось, что он подражает английскому поэту Байрону. Как бы в ответ на это Лермонтов написал замечательное стихотворение:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой...

В конце второго года из-за участия в студенческом бунте ему пришлось покинуть Университет. Исключенным закрывался путь в другие университеты России. И тогда ему ничего другого не оставалось, как поступить в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в Петербурге. «До сих пор, — писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принес своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин!» Он просил друзей не забывать его. Но даже там, в стенах юнкерской школы, он продолжал свои занятия литературой. По окончании шко-

Памятник М. Ю. Лермонтову в Москве.
Скульпт. И. Бродский

лы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь. Наблюдения над жизнью петербургской аристократии побудили его написать драму в стихах «Маскарад». Герой ее — и «жертва», и «палач». Мысль о том, что зло порождает зло, он развил потом и в «Герое нашего времени».

М. Ю. Лермонтов — единственный в литературе того времени — воссоздал образ Ивана Грозного по народным песням. Поэт так глубоко сумел постигнуть дух народной поэзии, что современные исследователи справедливо сравнивают «Песню про царя Ивана Васильевича...» с тво-

рениями народных сказителей. Недаром Белинский писал, что Лермонтов «вошел в царство народности, как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею...». «Песня...» Лермонтова принадлежит к лучшим произведениям русской и мировой поэзии.

28 января 1837 года по Петербургу разнесся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смертельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространилось в рукописи стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе. Так началась всенародная слава Лермонтова. Он считал, что назначение поэзии в том, чтобы говорить с народом, призывать его на подвиги во имя свободы.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова обрывается также трагически. Современники понимали, что его дуэль с Мартыновым 27 июля 1841 года была не просто дуэлью, а обдуманым политическим убийством.

Читая и перечитывая Лермонтова, проникаясь героическим, активным духом его поэзии, восторгаясь ее неповторимым лирическим содержанием, мы думаем о нем как о живом. И представляем себе его — не достигшего еще и 27-летнего возраста, так много сделавшего для родной литературы, так много не успевшего осуществить.

Все пленяет нас в Лермонтове: и сила пламенных страстей, и ум холодный и глубокий, его необычайная прямота и честность, высокая требовательность к самому себе и к другим. Он не умел и не хотел мириться с пороком, где и под какой маской ни встречал его.

С детских лет отзывается в наших сердцах благородный голос Лермонтова, пробуждающий отвагу, утверждающий чувства долга и чести. Читаем ли мы «Бородино» или «Мцыри», «Песню про царя Ивана Васильевича...» или «Родиону», мы жадно внимаем его словам, чтобы запомнить, как сформулировал он самое высшее и самое благородное проявление любви — любовь к отчизне.

И. Л. Андроников

Сохранились сведения о том, как составлял Лермонтов сборник своих произведений: в него вошло всего 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова...», хотя к этому времени им было написано 30 поэм и 400 стихотворений.

«Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения, — пишет его современник А. Н. Муравьев. — В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ — спросил я. „Сядьте и слушайте“, — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму „Мцыри“ (по-грузински — послушник), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера».

Вопросы

- В чем особенность первых впечатлений детства Лермонтова? Какими талантами одарила природа поэта и как они проявились в жизни и творчестве?

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси¹, царь Иван Васильевич²!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твое любимого опричника³,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,

¹ *Гой еси* (устар., народно-поэт.) — приветственный, ободрительный возглас.

² *Иван Васильевич* — Иван IV (Грозный) (1530—1584), русский царь.

³ *Опричник* — дворянин, состоявший в опричнине — войске, созданном Иваном IV для борьбы с боярами. Опричники отличались крайней жестокостью.

Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного¹,
А боярыня его белолица
Пбднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

1

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники²,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —

¹ *Мёд пенный* — здесь: легкий спиртной напиток.

² *Стольник* — придворный, прислуживающий за царским столом.

Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушати;
А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малютиной¹!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевый кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?»

¹ Малюта Скуратов — приближенный Ивана Грозного, глава опричников.

Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак¹ мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушаком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную², —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любятся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой³ закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой
Прозывается Алёной Дмитревной.

¹ *Аргамак* — конь для верховой езды, для конных сражений; аргамаков разводили прирожденные наездники — обитатели южных степей.

² *Отороченный* — обшитый по краям.

³ *Фата* — легкое покрывало.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый¹,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе² смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

— Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица

¹ *Яхонтовый, яхонт* — старинное название драгоценных камней, обычно рубина.

² *Сваха* — в старину женщина, помогавшая найти невесту или жениха.

В церкви Божией перевенчана,
Первенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозвищу Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор¹.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,

¹ *Гостиный двор* — двор, на котором шла торговля, располагались торговые ряды. (Гостиный — от старинного слова «гости» — купцы.)

А свеча перед образом еле теплится,
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой попадѣй,
Засветили свечу, сели ужинать, —
И по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви¹ не вернулась.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая²,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,

¹ *Приходская церковь* — местная церковь.

² *Простоволосая* — с непокрытой головой. (Для замужней женщины считалось неприличным выходить так на улицу.)

Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай¹, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запрю я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька,
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шепотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;

¹ Чай — видимо, наверное.

Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И цалуя все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам¹ в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,

¹ Охульник (от слова «хула» — порицание, осуждение) — человек, который порицает, порочит, позорит другого.

А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришло его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские

«Песня... про купца Калашникова». Худ. И. Билибин

На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в 25 сажень,
Для охотницкого¹ бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,

¹ Охотницкий — здесь: добровольный, для тех, кто хочет.

А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?»

«Песня... про купца Калашникова».
Худ. В. Кустодиев

Чтобы знать, по ком панихиду¹ служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»

¹ *Панихида* — церковная служба по умершему.

Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич

«Песня... про купца Калашникова».
Худ. В. Васнецов

Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.

По высокому месту лобному
Во рубаше красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные.
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная¹
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

¹ *Бесталанный* — несчастный (от старинного слова «талан» — доля, судьба).

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярине слава!
И всему народу христианскому слава!

❶ Вопросы и задания

1. Какое чувство осталось у вас после чтения поэмы¹ и кто из героев понравился вам больше других? Почему поэма названа Лермонтовым песней?
2. Нарисуйте устно картины пира в царских палатах и кулачного боя. Какими предстают в этих эпизодах царь, Кирибеевич, Калашников?
3. В чем характер Алёны Дмитриевны близок народному идеалу женщины, жены? Как речь Алёны Дмитриевны, Калашникова, Кирибеевича характеризует каждого из них?
4. По мнению ученых-историков, образ Грозного сложен. Царь казнит Калашникова после того, как тот убивает Кирибеевича, не зная причины этого убийства — оскорбления жены купеческой. Он обещает позаботиться о семье Калашникова, но в то же время его слова пронизаны жестокостью к осужденному:

Я топор велю наточить-наострить...
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...

Таким образом, царский суд расходится с судом народа, который поет славу Калашникову. Согласны ли вы с этим суждением?

5. В. Г. Белинский так характеризовал трех главных героев:
«...Взгляд очей его — молния, звук речей его — гром небесный, порыв гнева его — смерть и пытка; но сквозь все-го этого, как молния сквозь тучи, проблескивает величие падшего... но сильного и благородного по природе своей духа...»

¹ Проверьте по словарю, правильно ли вы понимаете термин «поэма».

«Какая сильная, могучая натура! Ее страсть — лава, ее горсть тяжела и трудна... Вы видите, что любовь... — не шуточное дело, не простое волокитство, но страсть природы сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человека нет середины: или получить, или погибнуть!»

«...Это один из тех упругих и тяжелых характеров, которые тихи и кротки только до тех пор, пока обстоятельства не расколыхают их, одна из тех железных натур, которые и обиды не стерпят и сдачи дадут... Есть души, лозунг которых — все или ничего, которые не хотят запятнанного блаженства, раз потемненной славы...»

К кому относится каждая характеристика? Совпадает ли она с авторским, народным и вашим отношением к героям? Подготовьте ответ-рассуждение на эту тему, обоснуйте свои выводы, подтвердите их текстом поэмы.

6. Подготовьте выразительное чтение «Песни...», учитывая связь с устным народным творчеством, оттеняя характеры героев, их речь, поступки, обратив внимание на распевность начала и концовки, использованные автором сравнения, метафоры, инверсию.

ЧИТАТЕЛИ ЛЕРМОНТОВА О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Известно, что замечательный русский писатель Иван Бунин хотел написать о Лермонтове, но мечта его не сбылась. Однако остались его высказывания о поэте: «Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет». Он часто повторял, читая лермонтовские стихи: «Как необыкновенно! Ни на Пушкина и ни на кого не похоже! Изумительно, другого слова нет».

Русский поэт и философ Д. С. Мережковский пишет так о своем отношении к Лермонтову.

«...Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему вдруг захотелось о нем говорить?»

Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой тяжелый взгляд, что на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?

Стихи его для нас как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла.

Помню, когда мне было лет 7—8, я учил наизусть „Ангела” из старенькой хрестоматии с истрепанным зеленым корешком. Я твердил: „По небу полуночи”, не понимая, что „полуночи” родительный падеж от „полночь”; мне казалось, что это два слова: „по” и „луночь”. Я видел картину, изображавшую ангела, который летит по темно-синему, лунному небу: это и была для меня „луночь”. Потом узнал, в чем дело; но до сих пор читаю: „по небу, по луночи”, бессмысленно, как детскую молитву.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я также узнал, что нельзя сказать: „Из пламя и света”, а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12—13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал „Мцыри” тщательно, в золотообрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой ребенок, как я.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог.

Вот чего Пушкин не сказал бы ни за что. Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности. Он говорит просто:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несешься по ясной лазури...

Но эта пушкинская „ясная лазурь”, по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом, казалась мне плоской, как голубая эмаль.

С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые печально обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утоленный Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придет смерть, боюсь, что это примирение:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять, —

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим — и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова.

Не потому ли уже и теперь, сквозь вечеряющий пушкинский день, таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда.

Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами — созерцанием и действием...»

* * *

Прочитайте стихотворения «Молитва», «Ангел» и «Когда волнуется желтеющая нива...». Какими настроениями они наполнены? Какие «краски», литературные приемы использует поэт, чтобы передать эти настроения читателям? Помогают ли они вам понять признания Д. С. Мережковского и И. А. Бунина?

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо качает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Вопросы и задания

1. Какие переживания, связанные с красотой природы, передает поэт в стихотворении «Ангел» (блаженства, полноты жизни)?
2. Какие чувства вызывает в поэте молитва («созвучье слов живых») в стихотворении «Молитва»?
3. Когда и почему в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» «смиряется души тревога» у поэта? Что делает его счастливым?
4. Что заинтересовало вас в воспоминаниях и высказываниях о Лермонтове? Подготовьте эссе или развернутый ответ на этот вопрос, выразительное чтение одного стихотворения наизусть.

Литература, живопись, скульптура

- Рассмотрите репродукцию портрета Лермонтова, фотографию памятника поэту, расскажите о своих впечатлениях.

Развивайте дар слова

1. Прочитайте начало «Песни... про купца Калашникова». На какие произведения фольклора похожи напевные интонации этого произведения? Характерны ли они для русской речи?
2. Среди иллюстраторов «Песни... про купца Калашникова» есть знаменитые художники (И. Билибин, В. Васнецов, Б. Кустодиев). Кто из них, по вашему мнению, вернее передал быт, одежду, характеры героев?
Какой вам представляется сцена боя? К какому изображению она ближе?
3. Как вы понимаете словосочетания: «православный народ ею тешился»; «Опостыли мне кони легкие, Опостыли наряды парчевые»; «Твоему горю пособить постараюсь»; «Заря алая подымается»; «лепечет мне таинственную сагу»; «внимали той песне святой»; «есть сила благодатная»?
4. Подготовьте программу вечера, посвященного Лермонтову.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их...

В. Г. Белинский

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Детство будущего писателя прошло на Украине в селе Васильевке. Его отец, Василий Афанасьевич, был человеком образованным, одним из первых украинских писателей, автором комедий из народной жизни.

В 1818 году Н. В. Гоголь поступил в Полтавское уездное училище, потом в Нежинскую гимназию высших наук, где проявлялся дух свободомыслия и куда проникали отголоски декабристских настроений. В Гоголе рано пробудился интерес к литературе...

В 30-е годы писатель знакомится с Пушкиным, Жуковским, читает лекции в педагогическом институте. В 1832 году его имя приобретает известность, и он целиком посвящает себя литературной деятельности.

Историческая повесть «Тарас Бульба», комедии «Женитьба», «Ревизор» явились событиями для читающей публики.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь изображает богатырские характеры самого Тараса, Остапа, других запорожских «рыцарей», их самоотверженную борьбу за родную землю, за свою национальную независимость. Писатель в своей повести не стремится к соблюдению исторической точности. Его Тарас близок к народному представлению о героиче-

ском, богатырском характере. Любовь и верность родине, товариществу для Тараса и Остапа выше личной привязанности, кровного родства, любовного чувства. Повесть полна восхищения перед беззаветным мужеством народа и его героической борьбой за независимость и свободу родины.

Постановка «Ревизора» вызвала негодующий отклик реакционных¹ кругов. «Теперь я вижу, — пишет Гоголь в это время, — что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия». Это тяжелое разочарование в своей миссии «комического писателя» было началом душевного кризиса Гоголя, сказавшегося позднее. Он едет за границу с тем, чтобы отдохнуть, поправить свое распятавшееся здоровье и, наконец, «глубоко обдумать свои обязанности авторские», в частности закончить начатые по сюжету, предложенному А. С. Пушкиным, «Мертвые души». В Париже он узнает о гибели Пушкина. «Никакой вести нельзя хуже было получить из России, — писал он. — Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло с ним».

Вышедшие в 1842 году из печати «Мертвые души» Н. В. Гоголя, по словам Герцена, «потрясли Россию». Большое место в поэме занимают раздумья автора о судьбах родины. В 1848 году Гоголь возвращается на родину, продолжает работу над вторым томом «Мертвых душ», однако книга его не удовлетворяет. В 1852 году в припадке болезненного отчаяния он сжигает рукопись второй части «Мертвых душ», а через несколько дней после этого умирает от истощения сил.

Похороны писателя превратились в широкую общественную демонстрацию: его хоронила вся передовая Россия. Тургенев пишет о Гоголе как о «человеке, который своим именем ознаменовал эпоху в истории нашей литературы».

Гоголь — подлинный мастер языка. Яркая речь его произведений то поэтически проникновенная, когда писатель рисует русскую или украинскую природу... то выпуклая, наглядная, передающая все оттенки характера, душевных свойств его героев. Он замечательный мастер детали, по-

¹ Реакция — жестокое подавление всякого общественного прогресса.

дробности, настолько точно и удачно найденной, что ярко передает особенности данного лица или обстановки.

Творчество Н. В. Гоголя оказало большое влияние на многих выдающихся русских писателей.

Н. Л. Степанов

КАК РАБОТАЛ ГОГОЛЬ

Гоголь писал по утрам, — об этом свидетельствуют и сам он, и все его наблюдавшие. Иногда, впрочем, бывало, что он работал целые дни напролет. «Когда Гоголь начинал писать, — говорил его знакомый, — то предварительно делался задумчив и крайне молчалив. Подолгу молча ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то просил замолчать и не мешать ему».

В дни того особенного умственного подъема, который обыкновенно называют вдохновением, он писал Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое стало чутко. О, какая это была радость!..»

Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам украинского казачества... Но еще больше пользовался Гоголь для этой повести украинскими песнями. Вся повесть пропитана духом этих песен, стиль ее совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих.

Взыскательность¹ к себе Гоголя была поистине изумительна. Берамже говорит в своей автобиографии: «Ничто в такой степени не просвещает писателя, как пламя его рукописей, мужественно брошенных в печку». Вся творческая жизнь Гоголя освещена этим благородным пламенем. Еще в молодости он предал сожжению свой роман «Гетман», «потому что сам автор не был им доволен». Уничтожил комедию «Владимир 3-й степени». Два, по-видимому, раза сжег второй том «Мертвых душ» (не считая предсмертного, третьего сожжения). И писал по этому поводу: «Затем сожжен второй том „Мертвых душ“, что так было нужно».

А. В. Никитенко рассказывает в своих записках: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать вновь написан-

¹ *Взыскательность* — требовательность, строгость.

ную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножечко подремать. Не в состоянии бороться со своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец, он проснулся.

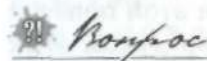
„Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика”.

И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин».

Письма его переполнены призывами к друзьям о критике самой жесткой и самой откровенной. «Сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше...» Он при чтении зорко вглядывается в лица слушателей, чутко ловит еле уловимые впечатления...

И в «Авторской исповеди» он пишет: «Автор, творя творение свое, должен почувствовать и убедиться, что он исполняет тот долг, для которого он призван на Землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время также государству своему...»

В. В. Вересаев

- В чем особенности творческой манеры Н. В. Гоголя? Отвечая, используйте книгу В. Вересаева «Как работал Гоголь» или статью в учебнике.

Тарас Бульба (В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Таковыми словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших уже на дом к отцу.

¹ Бурса — духовное училище.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки!¹ Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный!² А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал нивесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправ-

¹ Свйтка — верхняя длинная одежда.

² Пышный — здесь: гордый, недотрога.

«Тарас Бульба». Худ. П. Соколов

ляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас¹, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот еще что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишним лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик², как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю! вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши: и академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё

¹ Бейбас — балбес.

² Мазунчик — избалованный, маменькин сын.

это *ка зна що*¹, я плевать на все это!.. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощаваая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков²; тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками³, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повел сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы, в червонных монистах⁴, прибиравшие комнаты. Они, как видно, напугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думках, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры⁵ и в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию⁶. Все было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки,

¹ *Ка зна що* — черт знает что.

² *Пундики* — сладости.

³ *Вытребеньки* — причуды, затей.

⁴ *Червонное монисто* — красное ожерелье.

⁵ *Бандура* — народный украинский музыкальный инструмент.

⁶ *Уния* — объединение Православной церкви с Католической под властью Папы Римского.

сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы¹. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской², турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые³ скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пестрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул⁴ Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час сыновей представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны братья, садись всякий, где кому лучше за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! —

¹ *Отводы* — деревянные украшения.

² *Венецейская* — венецианская.

³ *Берестовые* — сделанные из вяза, который на Украине называют берестом.

⁴ *Есаул* — средний офицерский чин в казачьих войсках.

так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов¹ били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как бишь, того звали, что латинские вирши² писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций³, что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё, старый собака, знает, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит⁴ не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап: — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий, — пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Ка-

¹ *Бусурман* (басурман) — иноверец; здесь: иноземец.

² *Вирши* — стихи.

³ *Гораций* — древнеримский поэт.

⁴ *Архимандрит* — монашеский чин; здесь: настоятель, т. е. начальник духовного училища.

кого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козачков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма¹. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары² не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке³ и бражничестве, которое почитал тоже одним

¹ С дыма — здесь: с каждой хаты.

² Комиссары — здесь: польские сборщики податей.

³ Ратная наука — военная наука.

из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ накоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видеть их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. <...> Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления,

даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит¹ свой. <...> Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где старá? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, старá, готовь нам есть, потому, что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих

¹ Колорит — оттенок.

лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные, с серебряными подковами; шаровары, шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром²; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин³ алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнес, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую⁴, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...

Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был

¹ Сафьян — кожа высокого качества.

² Очкур — шнурок, которым затягивали шаровары.

³ Казакин — мужское верхнее платье на крючках со сборками сзади.

⁴ Рыцарскую.

чрезвычайно тяжел и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; ее опять увели. Молодые козаки ехали смутно¹ и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых пожек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

¹ *Смутно* — здесь: печально.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимою дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы¹ после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались¹ и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержатъ его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. <...>

Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

¹ Шлифовать — здесь: воспитывать, обучать, улучшать.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был более изобретателен, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. <...> Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыснул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию хватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастью, успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический¹ смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его отве-

¹ *Гармонический* — здесь: нежный, благозвучный, красивый.

том. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез чрез часток в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упавшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомо-го человека, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. <...> Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. <...> Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы!¹ Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки² да закурим, да прищипорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

¹ Чернец — монах.

² Люлька — здесь: трубка для курения.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их вострепнулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки¹; желтый дрок² выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Черт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменилась. Всё пестрое пространство ее охватывалось по-

¹ *Волошки* — васильки.

² *Дрок* — степное растение из семейства бобовых.

следним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебежала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру¹, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою² кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пестрые овражки³ выползвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш⁴; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козачки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье; всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне сине-

¹ *Амбра* — ароматическое вещество; здесь: аромат, приятный запах.

² *Исполинский* — огромный, большой, гигантский.

³ *Овражки* — здесь: суслики.

⁴ *Кулиш* — жидкая каша с салом.

ли верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. и не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Через три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал, наконец, свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни вышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками¹ сидели с куча-

¹ Крамарі под ятками — торговцы под навесами.

ми кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом¹. <...> Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместье и увидели несколько разбросанных куреней², покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину! Путники выехали на обширную площадь, где

¹ Ворочал на рожнах бараньи катки с тестом — жарил на вертеле куски баранины в тесте.

² Курень — подразделение запорожского войска; здесь: шалаши, в которых жили запорожцы.

обыкновенно собиралась рада¹. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чертом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалея, Фома, горелки православным христианам!» <...>

— Эх, если бы не конь! — вскричал Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. <...>

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей². <...> Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом,

¹ Рада — совет; здесь: военный совет запорожского войска.

² Шинкарь — хозяин кабака, шинка.

из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому¹, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший... — «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим оканчивалась вся церемония. <...> Сечь состояла из шести — десяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харчь, саламата², каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. <...> Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

¹ Кошевой — атаман.

² Саламата — мучная похлебка.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. <...> Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удачью и удачливостью во всем. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. <...>

IV

<...> Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперек запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно. — А потом, помолчавши, прибавил: — Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры¹. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. <...>

В тот же час отправились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля орудий. Другие все бросились к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. <...>

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем куча людей еще издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки

¹ *Литавры* — ударный музыкальный инструмент.

и коротенькой трубки в зубах — показывал, что они или только что избегнули какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли всё, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

— А с чем приехали? — спросил кошевой, когда паром приворачивал к берегу. Все рабочие, остановив свои работы, подняв топоры, долота, прекратили стукотню и смотрели в ожидании.

— С бедою! — кричал с парома приземистый козак.

— С какою?

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать?

— Говори!

— Или хотите, может быть, собрать раду?

— Говори, мы все тут. — Берег весь стеснился в одну кучу.

— А вы разве ничего не слышали о том, что делается на Гетьманщине?¹

— А что? — произнес один из куренных атаманов.

— Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом² уши, что вы ничего не слышали.

— Говори же, что там делается?

— А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — закричал один из толпы, как видно потеряв терпение.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

— Как не наши? <...>

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли грозную силу негодования. — Стой! и я скажу слово. А что ж вы, — что

¹ *Гетьманщина* (гетманщина) — область, управляемая начальником козацкого войска и верховным правителем, гетманом.

² *Клейтух* — пух — комок войлока, пеньки или шерсти.

ж вы делали? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы допустили такому беззаконию?

— Э, как допустили такому беззаконию? А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да — и нечего греха таить — были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.

— А гетьман ваш, а полковники что делали?

— Наделали полковники таких дел, что не приведи Бог и нам никому.

— Как?

— А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу. Вот что наделали полковники!

Колебнулась вся толпа. Сначала на миг пронеслось по всему берегу молчание, которое устанавливается перед свирепою бурей, и потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег. <...>

— ...Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманом! Да не будет же сего, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почували свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар. <...>

Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые; все, с совета всех старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамленье веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по степи о себе славу. Всё тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. <...>

Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых возов, говор и яркий крик и пону-

канье. И скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать все пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебн, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

— Прощай, наша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебя хранит Бог от всякого несчастья! <...>

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто как попало становил на время соломенное жилище свое человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооруженною рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закаленной вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска... А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклоны будущего вождя. Крепкое слыша-

лось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесенных. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями,

вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны братья, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, — атаманом будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в воинском деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он все-таки поставит на своем». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведенный Товкачем; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырех тысяч. Было между ними немало и охочекомонных¹, которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чем дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат на отчизну с добычей и славой на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднимающемуся из болот. Безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, яст-

¹ Охочекомонные казаки — конные добровольцы.

реб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошел к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звезды. Поле далеко было занято раскиданными по нем возами с висячими мазницами¹, облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружье-самопал, коротко-чубучная трубка, с медными бляхами, железными повертками и огнивом, висели почти у каждого пояса. Тяжелые волю лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массаами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаньями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. <...> Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожарниц. Он обошел козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошел он к одному из возов, взлез на него и лег на спину, подложивши себе под голову

¹ Мазницы — ведра для дегтя.

сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояли в воздухе. Густина звезд, составлявшая Млечный путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то изможденное, высушенное лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лезли из-под темного наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пицаль¹ и произнес почти судорожно: — Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнаженной смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Все лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты ее, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел еще раз на нее при-

¹ *Пицаль* — старинное тяжелое ружье, заряжаемое со ствола.

стально и вдруг вскрикнул во весь голос: — Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведенного Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, шепотом, почти задышающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива еще?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнес он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, — какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит, — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради ее дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.
— И выходит в самый город?
— Прямо к городскому монастырю.
— Идем, идем сейчас!
— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!
— Хорбишо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. <...>

Он шел, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов себе под руку, но подумал тут же: не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах¹, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы все это съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней, — везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы, как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был однако же где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возе уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на

¹ *Казан* — котел.

земле, храпел на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил вприсонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идем! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?» Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

«Андрий!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. <...>

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно темной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дернул за рукав ее, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину, — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию лощину, они скры-

лись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. <...> Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником¹. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...> Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. <...> Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой привычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. <...> При виде сих поражающих свидетельств Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробажить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снесь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

¹ Фашинник — прутья; фашина — связка прутьев хвороста, камыша.

— Но как же вы, умирая такую лютою смертью, всё еще думаете оборонить город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идет на вырубку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

<...> Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. <...> Он не помнил, как взошел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом: под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. <...>

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. <...>

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту...

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи... <...> И глаза ее вдруг наполнились слезами... <...>

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом. <...>

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой:

тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь¹, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет ее оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...> В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. «Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев». Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. <...>

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чупрыны² и проклянет и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного ответа, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. По-

¹ *Осокорь* — серебристый тополь.

² *Чупрына* — чуб, хохол на голове.

камест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довел хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понутив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батька! — сказал он, — хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статья, чтобы на безделье не нашлся человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били дóбре, а уж теперь побьем так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Еще не бóльшая мудрость сказать укорительное слово, но бóльшая мудрость сказать такое слово, которое

бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отозвалось в рядах запорожцев. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера — пусть ей враг прикинется! — и неприлично и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошел в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это еще Бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тymoшевский курень на запас с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочет, пополни его останками Переяславского. <...>

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаша, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней. Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдать-

ся живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шел перед полком. <...>

Наконец повел он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен еще козаками. А запорожцы, и пешие, и конные, выступали на три дороги к трем воротам... В городе услышали козацкое движение. Все высыпали на вал, и предстала перед козаками живая картина: польские витязи¹, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружия в дорогих оправках, за которые дорого приплачивались паны, — и много было всяких других убранств. Наперед стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо выросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий², длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты³, вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну. <...> Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправках. Не любили козаки богато вырядиться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные червоноверхие бараньи их шапки.

¹ *Витязь* — здесь: воин.

² *Хорунжий* — знаменосец; *хоругвь* — знамя.

³ *Шляхта* — польское дворянство.

Два козака выехало вперед из запорожских рядов: один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец¹, вырастил усы густые и черные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны² на всем войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных веревками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлеб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. Потушил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлеб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж?

¹ *Оселёдец* — прядь волос на темени.

² *Жупан* — верхняя одежда у поляков и украинцев.

Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники¹ с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. «Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!» И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. <...>

¹ *Латник* — воин, который носит латы; *латы* — металлическая броня, защищавшая грудь и спину воина от удара холодным оружием.

Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники¹ с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. «Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!» И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. <...>

¹ *Латник* — воин, который носит латы; *латы* — металлическая броня, защищавшая грудь и спину воина от удара холодным оружием.

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять... дорогие доспехи... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже раз сбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. <...>

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накиннул ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: «Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека». Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повел их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтобы собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали везы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвав-

шись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы¹. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волю! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельца, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнуренных и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны братья, от стен! Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами². Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая веревку; и всё еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами.

¹ *Навпереймы* — наперерез.

² *Епанча* — длинный и широкий плащ.

Наконец, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драг на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть...

VIII

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землю, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу¹, отвязал у него мешок с цехинами² и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, — того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как ровные между собою.

— Давай совет прежде старшие! — закричали в толпе.

¹ Мирза — татарский князь.

² Цехины — турецкие деньги.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татаринoм. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит¹ его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отместили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет — идти!

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, повывраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы братьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украине. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже

¹ *Размытарить* — растратить.

всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А не куды пошло! пойду и я: может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!» Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе¹, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные

¹ Печись о войсковом скарбе — заботиться о войсковом имуществе и казне.

татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конец раде! — кричали козаки.

— Слушайте же теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

— Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды бóльшая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня бóльшая часть переходила, туда и куренной атамана переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, бóльшая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, бóльшая половина Стебликивского куреня, бóльшая половина Тымошевского куреня. Все остальные вызвались

идти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завязаного нрава⁸ козак — не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много еще других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татаринном. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было еще других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожный, Метельца, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатолийским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороку на своем веку. <...> Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, придется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, — и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошاپковавшись¹ еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звездах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

¹ *Пошайковавшись* — попрощавшись, сняв шапки.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и, как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынию, наведенному прощаньем с товарищами. <...>

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской¹ башни заметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что казаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. <...> Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказания, уставил в три таборы курени, обнесши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья. <...> Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит

¹ *Магистрат* — городское управление.

«Тарас Бульба». Худ. Е. Кибрик

наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на тор-

говом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната¹, который желтым чоботом² своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной природы их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накапывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуввавшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищаля и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспре-

¹ *Магнат* — крупный помещик.

² *Чобот* — сапог.

рывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырехкратно потрясши глухо-ответную зем-

лю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси¹. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника и коня, пробрался к пушкарям, и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гуцу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулочок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Погнул он крепко Дегтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. <...>

¹ Перси — грудь.

— Так есть же такие, которые бьют вас, собак! — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и зеркала¹ погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутя козаки!

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных² знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не

¹ *Зерцало* — здесь: доспехи воина — блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

² *Малеванный* — разрисованный, расписной.

выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и сляясь разорвать ее, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Так и остался он, пригвожденный к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копыя. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя¹ того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутся ли еще козаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце приплась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копыя, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков. <...> Поникнул он теперь головою, почуввав предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдается мне,

¹ Шеломя (шеломить) — ударяя в бок по шлему.

паны братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось изо всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погребца неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею¹: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведет Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет еще, батька, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, за-

¹ Сулей — плоская бутылка; здесь: драгоценный сосуд.

хлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю на четверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копы и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, еще не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргмаки¹. Впереди перед другими понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзый пес, красивейший, быстрейший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьешь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он...

— Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, попра-

¹ *Аргмак* — восточная породистая верховая лошадь.

вив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело попевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою ко лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

«Тарас Бульба». Худ. П. Соколов

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарованья, всё еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас, —

и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

— Я, сынку, — сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит еще сила!..» Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невыльчкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козаков, чтобы поглядеть еще на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копыями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копые в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всад-

ника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыщлет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинуд ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжелым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Все закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Х

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружающие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ, — чего тебе еще хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен! Уж две недели, как мы с тобою скачем не переводя духу и как ты в горячке и жару несешь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. «Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?»

— Молчи ж, говорят тебе, чертова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпения, кричит неугомонному повесе-ребенку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Наплись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам еще немало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошел за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понес чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял перед ним, бранясь и рассыпая без счету жестокие укорительные слова и упреки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребенка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в луки и, прикрепивши веревками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

— Хоть неживого, да довезу тебя! Не поущу, что-бы ляхи поглумились над твоей козацкою породой, на куски рвали бы твое тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орел высмыкать¹ из твоего лоба очи, да пусть же степовой, наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыха дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неумоимо травами и смачиваньями. <...> Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжелые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не

¹ *Высмыкать* (*высмокать*) — вытянуть; здесь: выклеивать.

сходили с него. Оглянувшись он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесклубья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынеши позора, и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травой когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, раславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понуриив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»

<...> Он уходил в луга и степи, будто бы за охотой, но заряд его оставался невыстреленным. И, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понуриив голову и всё говоря: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы то ни стало!» <...>

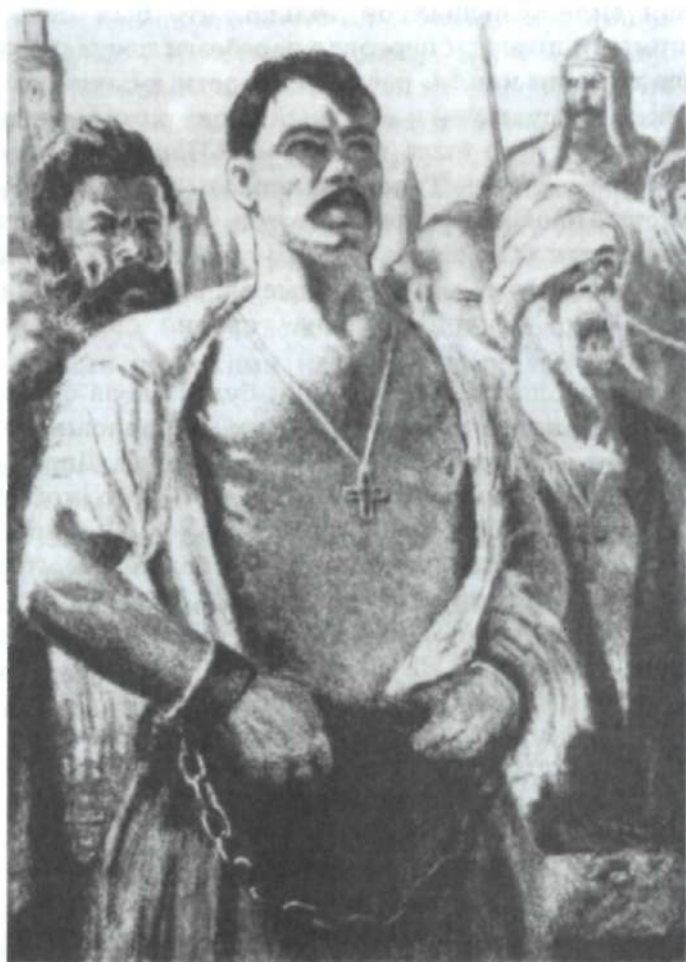
XI

<...> Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. <...> Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не

угрюмо, но с какой-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнасились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он

«Тарас Бульба». Худ. Е. Кибрик

глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не слышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!» После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и устал в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки¹ отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?»

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.

¹ *Панянка* — знатная девица.

<...> А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов¹ и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше чем обыкновенное разбойничество... Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гай-

¹ Костёл — католический храм.

дуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый² старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно, только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донес его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил все в глазах его. <...>

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами: пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! <...>

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдут-

¹ *Гайдукі* — легковооруженные пехотинцы.

² *Дебелый* — крепкий, большой, грузный.

ся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем¹ лебедей, и гордый гоголь² быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов³ и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно миная отмели, всполошивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

❁ Вопросы и задания

Прочитайте повесть «Тарас Бульба», подготовьтесь к ее чтению и обсуждению в классе.

1. Итак, мы надеемся, что повесть Гоголя вам понравилась. Какие эпизоды показались вам забавными, смешными, какие — печальными, какие — торжественными? При чтении каких глав вы особенно волновались?
2. А. П. Чехов, вспоминая «Тараса Бульбу», назвал Гоголя «царем степи». Чем, по вашему мнению, заслужил писатель столь высокую оценку? Опишите Сечь такой, какой впервые увидели ее Остап и Андрий. Каковы ваши впечатления от описаний степи? Подготовьте небольшой отрывок описания степи для чтения наизусть или для художественного пересказа (т. е. пересказа с максимальным сохранением художественных особенностей прочитанного).
3. Перескажите эпизоды повести, наиболее важные для характеристики Остапа, Андрия, Тараса Бульбы — на выбор. Подумайте над вопросом: каково авторское отношение к каждому герою? Дайте характеристику героям (внешность, характер, поступки). Вам помогут в подготовке и небольшая статья, и план характеристики.

Какой герой и при каких обстоятельствах произносит приведенные ниже слова: «Терпи, козак, — атаманом будешь!», «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», «Есть ли еще порох в пороховницах?»?

¹ Ячанье — стон, жалобный крик лебедей (ячать — стонать, жалобно кликать).

² Гоголь — птица из семейства утиных.

³ Курухтан — болотная птица.

Как вы их понимаете? В каких жизненных ситуациях они могли быть произнесены и сегодня?

В каких эпизодах, словах, поступках героев повести мы находим свидетельства товарищества, братства, свойственные запорожцам?

4. Как проявляется в повести ее народный характер? В чем сходство героев-запорожцев с былинными богатырями? Подготовьте к выразительному чтению речь Тараса о товариществе, составив предварительно цитатный план. Насколько близки вам мысли, выраженные в ней?

Если вам понравился этот текст, попытайтесь сами подготовить небольшую «речь» — «Обращение к друзьям», в котором выразите свои суждения, свое отношение к чувству дружбы и братства.

5. «Поэмой о любви к родине» назвал повесть Гоголя В. Г. Берлинский. Согласны ли вы с этим суждением?
6. При подготовке к выразительному чтению понравившегося отрывка из повести воспользуйтесь свидетельствами о том, как читал сам Гоголь.

«Кто не слышал читавшего Гоголя, — рассказывает В. А. Соллогуб, — тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробежавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами».

Когда Гоголь читал про украинскую ночь, В. А. Соллогуб стоял как замороженный. С ним творилось удивительное. Он видел, он ощущал синий небосвод, усеянный звездами, свежесть, благоухание.

Можете ли вы назвать произведения Гоголя, которые были восприняты вами так же?

Литература и другие виды искусства

Познакомьтесь с иллюстрациями художников к повести «Тарас Бульба». Чьи иллюстрации более полно, по вашему мнению, отражают характеры героев?

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Внешность Тургенева хорошо известна. Он был очень красив: высокого роста, крепко сложенный, с мягкими седыми кудрями. Глаза его светились умом и не лишены были юмористического огонька, а манеры отличались... простотой и отсутствием аффектации...¹ Голова его сразу говорила об очень большом развитии умственных способностей...

И. А. Кропоткин

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в 1818 году. Детство и все лучшие годы жизни будущий писатель провел в селе Спасском. Еще мальчиком он подружился с дворовым человеком Пуниным, первым своим учителем. Под влиянием Пунина, который прекрасно знал русскую литературу, любил и умел читать стихи, в мальчишке проснулся поэт.

Время учения Тургенева сначала в пансионе, затем в Московском и Петербургском университетах было временем романтических привязанностей, увлечений, большого интереса к наукам, искусствам: молодежь зачитывалась Шиллером, вела постоянные споры о добре, красоте, истине. Уже в студенческие годы появились его первые переводы, небольшие поэмы, стихотворения, а в 1847 году и первые рассказы из будущих «Записок охотника», принесших славу И. С. Тургеневу.

Основной темой «Записок охотника» были взаимоотношения помещиков и крестьян, поруганное человеческое достоинство русского мужика. Писатель выступил как непревзойденный мастер русского пейзажа, который соотносится с душевным состоянием автора и его героев.

¹ *Аффектация* — неестественная возбужденность в поведении, речи.

Очерки Тургенева были восторженно встречены демократической критикой, общественностью, Белинским и Герценом, Некрасовым и Гончаровым. Зато в правительственных кругах «Записки охотника» вызвали резкое осуждение. Было проведено специальное следствие по поводу того, как цензура могла пропустить такое издание. Сам писатель был арестован и отправлен в ссылку в свое родовое имение, село Спасское-Лутовиново, где провел около двух лет. Поводом к этому послужил некролог, написанный Тургеневым в связи со смертью Гоголя, но всем было ясно, что главная причина ареста и ссылки — «Записки охотника».

Долгие годы живет впоследствии писатель вдали от России, но его мысли и сердце всегда с ней. Тургенев глубоко любил свою родину, свой народ, его культуру, его язык. Несмотря на длительное пребывание за границей и отличное знание нескольких иностранных языков, он за всю свою долгую жизнь не написал ни одного произведения на каком-либо другом языке, кроме своего родного.

По П. Г. Пустовойту

«ВСЯ МОЯ БИОГРАФИЯ В МОИХ СОЧИНЕНИЯХ...»

О Тургеневе осталось много воспоминаний, рассказов, среди них есть строгая оценка своего творчества самим писателем и признание его роли народом. И. С. Тургенев вспоминает: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей... „Позвольте узнать, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?“ — „Я“. — „Тот самый, что написал „Записки охотника“?“ — „Тот самый“. Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. „Кланяемся вам, — сказал один из них, — в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа“».

Признание Тургенева как первоклассного мастера повести, романа пришло не сразу. Писательский путь Тургенева не был ровным и гладким: ему пришлось пережить немало обид, непонимания, расхождений с друзьями...

Тургеневу хотелось, чтобы его похоронили у ног Пушкина, однако он считал, что не заслуживает такой чести, и завещал похоронить его рядом с Белинским. «Я — ученик Пушкина, — говорил Тургенев, — и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, еще рано, вот напишу что-нибудь получше. И так до сих пор не нашел ничего достойного его памяти...»

- Познакомьтесь с книгой «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников», расскажите о жизни писателя.

Бирюк

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни

зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдет, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка за скрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и, при свете молнии, увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов за скрипел, и девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покромкой, с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печи. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло; не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.

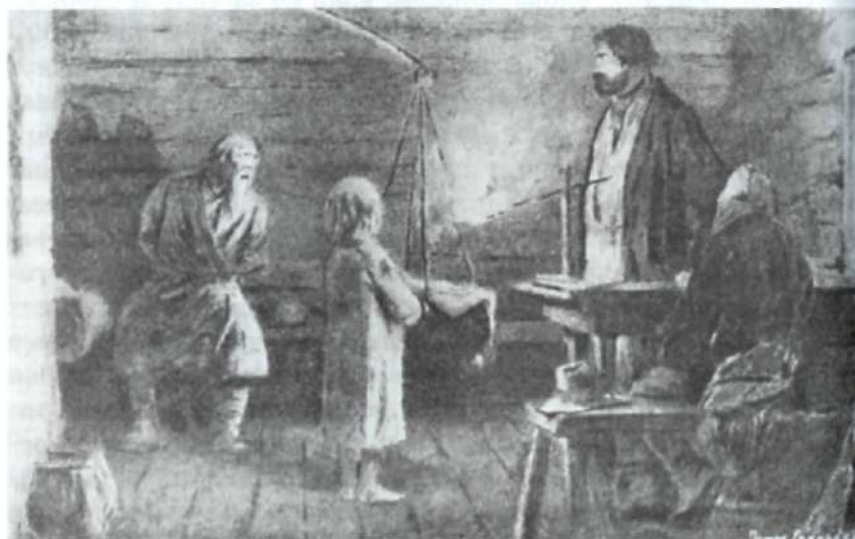
— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег свечу.

«Бирюк». Худ. П. Соколов

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу — Бирюк¹.

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не дается».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. — *Примечание И. С. Тургенева.*

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка.

Он подошел к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — и нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар я бы вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, еще более понурив свое печальное личико.

Лесник вошел и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчанья, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльего Верху¹ дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии, но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать

¹ «Верхом» называется в Орловской губернии овраг. — *Примечание И. С. Тургенева.*

из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потушился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь, какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А эдак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и понятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдемте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушаться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение, — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался...

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загредел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк: — не уйдешь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошададка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

«Бирюк». Гравюра К. Вейермана с рис. худ. П. Коверзнева

Бирюк молча взял лошадь за челку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. — «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. — «Зачем ему пропадать?» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шел позади. Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошадедку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да, вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка уле-

глась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик: — прикащик... разорены... во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пицат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжал мужик, — лошаденку-то, хоть ее-то... один живот и есть, отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик все не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну, на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурился и опустил углы губ, — на, душегубец окаявный, пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошел, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Все едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — все едино. Пропадай все: жена, дети, — околевай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и ушла в сторону.) Бей! Бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я: — оставь его, бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Все едино околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку: но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к черту с своею лошадьёю! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копать в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец: — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он. — Знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!..
Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Вопросы и задания

1. Прочитайте описание грозы, которая застала путника в лесу. Какие изобразительные приемы использует писатель? Сопоставьте описание природы у Гоголя и Тургенева. Расскажите о результатах сравнения.
2. Опишите (устно) избу лесника. Вспомним слова охотника: «Я посмотрел кругом, — сердце во мне зануло». Возникло ли у вас такое же чувство при чтении этого текста? Рассмотрите иллюстрации к рассказу. Так ли вы представляли себе героев?

Обратите внимание, насколько велико число синонимов к слову «сказал» у Тургенева (возразил, повторял, продолжал, заговорил, подхватил, загремел, закричал и т. д.). Подумайте, что достигается этим. Как через синонимы выражается отношение автора к сказанному?

3. Какая сцена в этом маленьком рассказе может считаться самой важной? Объясните свой выбор. Подготовьте ее исполнение в лицах.
4. Как относились мужики ближних деревень к Бирюку? Почему Бирюк отпустил провинившегося мужика и виновен ли мужик? Кто и когда называет героя рассказа Фомой, кто — Фомой Кузьмичом, кто — Бирюком? Как вы объясните это? Как Фома стал «бирюком»? Чем вызван его суровый и нелюдимый характер? Почему рассказ назван «Бирюк»?
5. Подготовьте художественный пересказ текста (описание портрета Бирюка или одного дня жизни лесника — на выбор).
6. Как, по вашему мнению, автор относится к героям рассказа «Бирюк»?
7. Известны свидетельства о том, что в решении Александра II освободить крестьян «Записки охотника» сыграли большую роль. Сам писатель хотел, чтобы на его памятнике после смерти были выгравированы слова о том, что его книга «Записки охотника» послужила делу освобождения крестьян. Покажите на примере рассказа «Бирюк» значение подобного произведения в решении отмены крепостного права в России.

Стихотворения в прозе — последние произведения И. С. Тургенева. Он много лет собирал заметки, записи и в конце своей жизни издал их под названием «Стихотворения в прозе». Стихотворения в прозе не имеют рифмы, они не записываются так, как мы обычно записываем стихи, но они доносят до нас мысли и чувства писателя.

«Последний день месяца, на тысячу верст кругом Россия — родной край» — так начинается лирическое раздумье «Деревня», один из первых опытов Тургенева, составивших со временем целую книгу стихотворений в прозе. Сюда вошли небольшие зарисовки, размышления в образах, микрорассказы, лирические миниатюры, своеобразные «лирические отступления», получившие самостоятельную жизнь.

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Близнецы

Я видел спор двух близнецов. Как две капли воды походили они друг на друга всем: чертами лица, их выражением, цветом волос, ростом, складом тела — и ненавидели друг друга непримиримо.

Они одинаково корчились от ярости. Одинаково пылали близко друг на дружку надвинутые до странности схожие лица; одинаково сверкали и грозились схожие глаза; те же самые бранные слова, произнесенные одинаковым голосом, вырывались из одинаково искривленных губ. Я не выдержал, взял одного за руку, подвел его к зеркалу и сказал ему:

— Бранись уж лучше тут перед этим зеркалом... Для тебя не будет никакой разницы... но мне-то не так будет жутко.

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж. Далеко Ротшильду до этого мужика.

Вопросы и задания

1. Что говорит Тургенев о русском языке? Почему такие большие надежды возлагает писатель на русский язык?
2. Какую мысль стихотворением «Близнецы» пытается внушить читателю автор?
3. В стихотворении «Два богача» Тургенев сравнивает богача Ротшильда и простого мужика. В чью пользу сравнение и почему?
4. Выучите наизусть одно из стихотворений в прозе и прочитайте его в классе, заключив чтение собственным отзывом на прочитанный текст?

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ТУРГЕНЕВА

Воспоминания о Тургеневе характеризуют его и как художника, раскрывают особенности его писательского труда.

Он говорил об этом так: «...писатель не может, не должен поддаваться горю! Он изо всего должен извлекать пользу. Писатель, говорят, человек нервный, он чувствует

сильнее других. Но потому-то он и обязан держать себя на узде, обязан решительно всегда наблюдать и себя и других. Ну вот, например, случилось с тобой большое горе, — садись и запиши, то-то и то-то случилось, то-то и то-то испытываю. Горе пройдет, а превосходная страница останется. Иногда такая страница может сделаться ядром большого творения...»

П. А. Кропоткин записал в своих воспоминаниях о Тургеневе: «Он говорил, как и писал, образами. Желая развить мысль, он прибегал не к аргументам... он пояснял ее какой-нибудь сценкой, переданной в такой художественной форме, как будто бы она была взята из его повести».

Есть свидетельства о его мучительной работе над сюжетом, образами, стилем, о его требовательности к себе: «Редко его произведение печаталось прежде, чем он прочтет его кому-нибудь из близких людей, не посоветуется; замечания возбуждали иногда спор, но принимались всегда без признака самолюбивого укола; рукопись потом сверху до низу перечитывалась, исправлялась и часто переписывалась заново», — рассказывал Д. В. Григорович.

Вопрос и задание

1. В чем особенности творческой позиции И. С. Тургенева?
2. Подготовьте на основе прочитанного небольшой диалог о писателе («Разговор о жизни и творчестве Тургенева»).

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1878

Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему...

«Еду ли ночью по улице темной...»

Стихотворение «Еду ли ночью по улице темной...» поразило всех своей особенной, пронзительной музыкой, своим горьким сочувствием отверженным. Оно показало — Россия приобретает великого поэта.

Под стихами стояла подпись: Н. Некрасов. Тургенев писал из Парижа: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение... меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». И разошлась по свету слава Некрасова. Люди разных взглядов приобщались к его огню, воспламеняющему душу.

Николай Алексеевич Некрасов родился на Украине, неподалеку от Винницы, в местечке Немиров. Мальчику не было и трех лет, когда его отец, ярославский помещик и отставной офицер, перевез семью в родовое имение Грешнево. Здесь прошло детство — среди яблонь обширного сада, вблизи Волги, которую Некрасов называл своей колыбелью, и рядом со знаменитой Владимиркой, о которой вспоминал: «...Все, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства». А еще была ловля птиц и грибы, крепкая дружба с крестьянской ре-

бятней. Младенческие вирши семилетнего стихотворца, посвященные «любезной маменьке», тяжелые впечатления от «безумных забав» отца, от его деспотизма.

На одиннадцатом году — Ярославская гимназия, чтение книг, мечты о славе... Тетрадь лирики и рукопись романа — это уже в семнадцать лет. С ними Некрасов приехал в Петербург: отец велел поступать в полк, а он решил — в Университет. Отец лишил его средств. Начинается жизнь впроголодь, нищета.

Некрасов впитал стихию народной лирической поэзии с ее демократизмом и простотой. И даже — былинную стихию. Впоследствии уже не народная песня диктовала Некрасову, а Некрасов создавал песни, которые подхватывал и пел народ.

В начале 40-х годов Некрасов сближается с Белинским. Как издатель журнала «Современник» Некрасов привлекает к сотрудничеству Тургенева и Герцена, Л. Н. Толстого, а позднее — М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1856 году вышла книга Некрасова «Стихотворения», куда вошли «Влас» и «Тройка», «Забятая деревня» и «Несжатая полоса», поэма «Саша».

Он первым в печати прославил декабристов («Дедушка»), самоотверженных жен декабристов («Русские женщины»). Десять лет поэт работал над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Поэт стремился воспитать новое поколение не в духе раболепства и угодничества, а в духе кровной вражды с общественной неправдой.

История, живая жизнь русской поэзии непредставима без Некрасова, ставшего, как и Пушкин, частью народного сознания, вошедшего в кровь и плоть отечественной культуры.

Вл. Приходько

Вопрос

- А. Т. Твардовский писал о книге стихотворений Некрасова, попавшей к нему в детские годы, как о самой дорогой, «заветной книге».

Есть ли у вас «заветная книга» или «заветное» стихотворение Некрасова?

В 1826 году декабристы были сосланы за участие в восстании 1825 года в Сибирь на каторжные работы. Вскоре за многими из них добровольно последовали их жены: А. Г. Муравьева, Е. И. Трубецкая, Е. П. Нарышкина, А. В. Розен, М. Н. Волконская и другие. «Жены сосланных в каторжную работу, — писал о них впоследствии А. Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под еще страшнейший гнет тамошней полиции». Некрасов указал в примечании к «Русским женщинам», что не касается «политической стороны события», но все-таки он впервые изобразил восстание на Сенатской площади². Читатели 70-х годов восторженно приняли обе части поэмы: в этом произведении они увидели отклик на свои собственные стремления и чувства.

Русские женщины

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ³

Поэма

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

¹ Поэма «Русские женщины» состоит из двух частей («Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская»), напечатаны они в 1872—1873 годах в журнале «Отечественные записки».

² *Сенатская площадь* — одна из площадей Санкт-Петербурга, где происходило восстание декабристов.

³ Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая последовала в 1826 году за сосланным мужем — декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790—1860) в Сибирь, где и умерла в 1854 году.

«Русские женщины». Княгиня Е. И. Трубецкая.
Худ. Н. Бестужев

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость¹ в ноги стлал,
Творя молитву, образок²
Повесил в правый уголок
И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?»

¹ *Медвежья полость* — покрывало на ноги в санях, экипаже, карете.

² *Образок* — икона, уменьшительное от «образ».

Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь,
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одеда грудь...
Гордись — я дочь твоя!..» <...>

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А все конец пути далек!
Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.
Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...
Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;

Как мощи¹ сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха²,
Под ней — кресты³, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывай скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор

Все ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом

¹ Мощи — высохшие останки людей, почитаемые Церковью как святые.

² Доха — шуба мехом и внутрь, и наружу.

³ Кресты — ордена.

Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму.
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(отворяя дверь в сени)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,

Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:

С последней почтой прислана

Бумага...

Княгиня

Что же в ней:

Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем

Бумагу? что же — там

Шутили, что ли, над отцом?

Он все устроил сам!

Губернатор

Нет... Не решусь я утверждать.
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей.

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час.
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?

Там люди редки без клейма¹,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки²;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват..
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной

¹ Клеймо — печать, знак; здесь: клеймо каторжника.

² Варнак — лжец, буян, каторжник.

Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою.
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,

Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Притти в свою тюрьму,
Притти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не зная
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?

Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, Бог судил —
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы...
Что там найду я? Ханжество¹,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет

¹ Ханжество — от слова «ханжа» — лицемер, прикрывающийся добродетелью; ханжество — лицемерие.

Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — все простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станет с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил

Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну, что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
«До завтра», — и ушел...

* * *

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истопив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И, наконец, сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»
— Да что же мне еще терять?
«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!»

Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пришла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло.
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

«Русские женщины». Встреча кн. Трубецкой с ссыльными.
Худ. Д. Шмаинов

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;

Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И третий не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Ведите ж партию собирать —
Иду! мне все равно!..

* * *

«Нет, вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(отворяя дверь, кричит)
Эй! запрягать, сейчас!..

Вопросы и задания

1. Прошло много десятилетий после восстания декабристов 1825 года. Как сегодня воспринимаем мы подвиг декабристов и их жен?
Что вы знаете о восстании декабристов? Каким вы представляли себе тяжкий путь жен декабристов в Сибирь?
2. Понравилась ли вам поэма Некрасова? Какие чувства она у вас вызвала? Постарайтесь сформулировать тему и идею этого произведения.

3. Как называет автор «почтенного генерала» (например: «старик эффектно замолчал», «упрямый старичок» и пр.) и что хочет сказать этим? Что говорит княгиня о светском обществе и своем долге? В чём пафос ее доводов в разговоре с генералом и какие из них вам кажутся особенно убедительными? В чем их сила?
4. Как словарь героини Некрасова («я не жалкая раба», «гордость», «мой долг» и пр.) характеризует ее? Что вы можете сказать об отношении автора к ней?

Напишите небольшой рассказ о главной героине, опираясь на текст поэмы «Русские женщины».

5. Подготовьте к выразительному чтению начало поэмы до слов — «Гордись — я дочь твоя!» или к инсценированному чтению диалог княгини и генерала, подчеркнув силу духа, мужество, самоотверженность Трубецкой.
6. Прочитайте самостоятельно стихотворение Н. А. Некрасова. Подумайте, в чем его главная мысль. Какие чувства вызывает оно у вас?

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную¹;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд

¹ *Сенная* — рыночная площадь в Санкт-Петербурге.

«Размышления у парадного подъезда». Худ. А. Лебедев

Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «суди его бог!»
Разводя безнадежно руками,
И, куда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?

Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!
Безмятежной аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу?
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?..

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Я. ПАНАЕВОЙ

Стихотворение «Размышления у парадного подъезда» было написано Некрасовым, когда он находился в хандре. Он лежал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал к себе.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в «Современнике».

— У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-трем лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошел к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и улегся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда».

Вопросы и задания

Прочитайте стихотворение «Размышления у парадного подъезда», подготовьтесь к выразительному чтению текста наизусть, ответьте на вопросы:

1. Против кого направлен гнев поэта? Какие чувства хочет разбудить в читателе Некрасов?
2. Как вы понимаете слова и строки стихотворения: «одержимый холопским недугом», «заветным дверям», «пышный подъезд», «убаюканный ласковым пением»? Почему Некрасов много раз повторяет слова «стон», «стонет»? Что этим достигается?
3. О сцене у парадного подъезда рассказала поэту Панаева, его жена. Как вы думаете, только ли этот эпизод изображен поэтом? Подготовьте устный ответ, подкрепив его цитатами из текста и высказав свои суждения об иллюстрации к стихотворению.

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

1817—1875

Из троих Толстых, которых выдвинула русская литература, имя самого старшего из них — Алексея Константиновича Толстого — для широкого читателя остается наименее известным. И это при том, что, например, его знаменитая драма «Царь Федор Иоанович» около ста лет не сходит со сцены, едва ли не половина его стихотворений звучит в музыке крупнейших композиторов (Чайковского, Мусоргского, Рахманинова).

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге, его мать была внучкой знаменитого гетмана Украины Кирилла Разумовского, отец, граф Константин Петрович, принадлежал к знаменитому роду Толстых. Еще в детстве его поражали стихотворения знаменитых поэтов. По его словам, он «с шестилетнего возраста стал мараить бумагу и писать стихи». Художественное развитие его шло под руководством дяди, А. А. Перовского, псевдоним которого — Антоний Погорельский (им опубликованы «Лафертовская маковница», «Черная курица, или Подземные жители» и т. д.). В 1827 году Толстой вместе с матерью впервые побывал в Германии, посетил Веймар, познакомился с Гете. В 1831 году дядя везет племянника в Италию.

Позднее А. К. Толстой напишет: «В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов». Он свободно владел несколькими языками, работал в главном Московском архиве, в департаменте хозяйственных и счетовых дел.

Началом литературной деятельности можно считать опубликованную в 1841 году в Петербурге повесть «Упырь», стихотворений своих он не печатал до 1854 года. Позднее появились знаменитые стихи «Колокольчики мои...», «Средь шумного бала...», исторические баллады «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», началась работа над романом «Князь Серебряный». Перовский показывал стихи своего племянника Пушкину, Жуковскому. Современники одобряли литературные опыты молодого поэта.

Интерес Толстого к исторической эпохе Ивана Грозного, отраженной им в балладах, не случаен. Он считал, что она, эта эпоха, глубже всего отразила все отрицательные последствия, которыми сопровождался процесс централизации государственной власти на Руси. В балладе «Василий Шибанов» деспотическое начало воплощено в образе Ивана Грозного. Грозный сокрушил последние остатки аристократической оппозиции.

В 50-е годы Толстой окончательно сложился как писатель, в круг его близких знакомых входят Гончаров, Тургенев, Фет, Аксаковы и др.

Толстой был прирожденным пейзажистом. Талант его виден во всех стихах. В лирике 50-х годов искусство Толстого-пейзажиста достигло высочайшего уровня.

Последние годы жизни Толстой проводит в своем имении в селе Красный Рог.

Лучшие его произведения этой поры — исторические баллады и поэмы. 28 сентября 1875 года поэт умер.

Известно, что каждая эпоха «прочитывает» литературное произведение по-своему. А. К. Толстой уже прошел через несколько таких эпох. При жизни он был одним из самых «спорных» писателей. Хвалили за мастерство, упрекали за скудность содержания, яростно спорили с ним по

какому-нибудь актуальному общественно-политическому вопросу. После его смерти полтора десятилетия о нем почти не вспоминали. Потом пришло признание, широкое, устойчивое, прочное...

По Л. Емельянову

Вопросы и задания

- Прочитайте два произведения А. К. Толстого. Подумайте, к какому жанру их можно отнести? Какое произведение другого автора вспоминается вам при их чтении?

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Своего отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы¹:
«Что долго в себе я таю и пошу,

¹ *Зазнобы* — здесь: печали, огорчения.

То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольню сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смиренной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични¹ кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов².

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных³ собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапку держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:
«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,

¹ *Опрична* (*опричина* — от слова «опричь» — кроме; отсюда их название «кромешники», «кромешная тьма») — введенная Иваном Грозным система сыска и наказания; особое войско телохранителей и карателей, которое обладало неограниченной властью в борьбе с «изменной», что привело к массовым казням ни в чем не повинных людей.

² А. И. Вяземский, В. Г. Грязной, Г. Л. Малюта, А. Д. Басманов — наиболее известные опричники, фамилии которых сохранились в документах и преданиях того времени.

³ *Окольные* — приближенные.

Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишишь бессмертнее нас,
В небытную ересь¹ прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием² нам предреченный,
И аз, иже³ кровь в непрестанных боях
За тя, аки⁴ воду, лиях⁵ и лиях,
С тобой пред судьей⁶ предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенки!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»

¹ *Ересь* — отступление от принятой веры; раскол или отщепенство, отступничество.

² *Писание* — Священное Писание.

³ *Аз, иже...* — Я, который...

⁴ *За тя, аки* — за тебя, как...

⁵ *Лиях* — лил (кровь).

⁶ *Судья* — здесь: Бог.

И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»

«Царь, слово его всё едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера¹,
Опять зачалася работа.

«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит своего господина.

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчиной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое всё едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

Князь Михайло Репнин

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

¹ *Заплечные... мастера* — палачи.

С вечерни¹ льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусяры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину² он кравчему³ велит:

«Да здравствуют тиуны⁴, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет,
Я первый открываю веселый хоровод,

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь! забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских раты!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре⁵ плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и машкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричина да сгинет! — он рек, перекрестясь. —

¹ С вечерни — с вечерней церковной молитвы.

² Личина — маска.

³ Кравчий — боярин, ведавший царским столом, едой, винами и напитками, а также распорядитель стола; придворный чин XV—XVIII веков.

⁴ Тиуны — наименование должностных лиц; здесь: верные слуги.

⁵ Машкара (личина) — маска.

Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да прѣзрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул,
разъярясь,
И пал, железом пронзенный, Репнин, правдивый
князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздаётся, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гуслиры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ¹

...Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего все к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился. Написав одно письмо, он призвал раба своего Шибанова и велел ему письмо снести

¹ По кн.: Михаил Лермонтов: pro et contra. — СПб., 2002. — С. 246.

в Москву и отдать царю лично. Так и сделал раб Шибанов. На Кремлевской площади он остановил выходявшего из собора царя, окруженного своими приспешниками, и подал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, оперся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдился раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился «раба» Шибанова. Этот образ русского «раба», должно быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю «всею правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя»...

Вопросы и задания

1. Что вы узнали об Алексее Константиновиче Толстом? Под чьим руководством шло его художественное развитие?
2. Какие произведения А. К. Толстого вам известны?
3. Вы прочитали два произведения А. К. Толстого. О чем они? Кто их главные герои?
4. Какие характеры героев раскрываются автором и что он хочет сказать о людях и времени, в которое происходят эти события?
5. В чем упрекает царя Ивана Грозного Курбский? Как вел себя Шибанов под пытками? О чем он просит Бога?
6. Почему Репнин не поднял свой кубок? В чем он обвиняет Ивана Грозного? О чем жалеет царь?
7. Вы прочитали высказывания Ф. М. Достоевского о М. Ю. Лермонтове. Какое произведение поэта сравнивает Достоевский с балладой Толстого «Василий Шибанов»? На что обращает внимание Достоевский?
8. Какие сравнения, эпитеты встречаются в текстах баллад и что они подчеркивают?
9. Подготовьте выразительное чтение этих произведений, одно из них выучите наизусть, подчеркните при чтении повелительные интонации в словах царя Ивана Грозного, мужество в поступках и словах Шибанова и Репнина, их отношение к великой Руси и царю.

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя.

Н. Г. Чернышевский

У Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог...

Л. Н. Толстой

В Тверской губернии, среди болот и лесов, раскинулось родовое поместье Салтыковых — село Спас-Угол. Здесь в 1826 году родился Михаил Евграфович — будущий великий писатель Н. Щедрин (такой псевдоним взял себе М. Е. Салтыков).

Его отец, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному дворянскому роду. Однако материальное положение семьи было далеко не блестящим. Евграф Васильевич женился на Ольге Михайловне Забелиной, дочери московского купца. Она отличалась прямым и властным характером, практичностью, неуемной энергией — качествами, которыми совсем не был наделен ее муж. Бережливость, даже скопидомство безраздельно воцарились в доме Салтыковых.

«Я вырос на лоне крепостного права...» — вспоминал писатель впоследствии. Все ужасы крепостной действительности в самом неприглядном и обнаженном виде прошли перед глазами наблюдательного и впечатлительного мальчика. Он рано познакомился с жизнью и бытом деревни, со стремлениями и надеждами крестьян. «Не только всякого дворового я знал в лицо, но и всякого мужика. Я любил говорить, расспрашивать. Крепостное право, тя-

желое и грубое в своих формах, сближало меня с подневольною массой».

Учеба началась очень рано. Первые познания во французском языке он приобрел еще в четырехлетнем возрасте, несколько позднее стал заниматься немецким языком. С русской грамотой познакомил его крепостной живописец Павел, затем учила старшая сестра Надежда. В возрасте 7—8 лет пристрастился к чтению, которое стало неиссякаемым источником его быстро растущих знаний.

Затем Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института — бывшего университетского Благородного пансиона, из стен которого вышли В. Жуковский, А. Грибоедов, М. Лермонтов. В числе лучших учеников Салтыкова вскоре направили в Царскосельский лицей, где все было проникнуто памятью об А. Пушкине. В лицее началась его литературная деятельность.

После выхода из лицея, весной 1845 года, начинается его служба в канцелярии Военного министерства, обострившая в нем чувство справедливости, мечту о социальном равенстве. Появляются первые повести — «Противоречия», «Запутанное дело».

В повести «Запутанное дело» власти усмотрели «вредное направление», и писатель был сослан в Вятку, где пробыл долгих восемь лет.

Вятская ссылка дала Салтыкову ясное представление о жизни широких слоев простого народа. В своих последующих произведениях — повестях, сказках — Салтыков-Щедрин остается верным обездоленному народу.

Сказки Щедрина — произведения иносказательные¹. Сам писатель свою манеру писать называл «эзоповым языком», по имени древнего баснописца Эзопа.

В 1889 году Салтыков-Щедрин умер. «В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне...» — писали тифлиссские рабочие в год его смерти.

По В. Н. Баскакову, С. А. Макашину

¹ *Иносказание* — выражение мысли путем намеков; выражение, содержащее скрытый смысл.

1. Как впечатления детства писателя отразились в его произведениях?
2. Почему Салтыков стал Щедриным? Об этом есть целый ряд версий¹. Одну из них изложил сын писателя К. М. Салтыков: «...Мало кому известно, отчего отец избрал себе псевдонимом фамилию „Щедрин“. Дело обстояло так. Ему, когда он состоял еще на государственной службе, намекнули на то, что неудобно подписывать труды своей фамилией... Моя мать и предложила ему избрать псевдонимом что-либо подходящее к слову „щедрый“, т. к. он в своих писаниях был чрезвычайно щедр на всякого рода сарказмы²».

Есть и другие объяснения. Этот псевдоним связывают со словом «щедрина» (след от оспы). Какое бы вы объяснение, версию приняли?

3. Никого не удивит имя известного писателя на книге, озаглавленной «Сказки». Народная сказка вдохновляла многих... Пушкин и Лермонтов, Перро и Андерсен сочиняли свои сказки, в которых мы чувствуем и отпечаток личности писателя, и тот родник народной фантазии, из которого он черпал свои мотивы.

Сказки Щедрина иносказательны, автор хочет, чтобы читатель это понимал.

Прочитайте в конце учебника раздел о сатире и юморе, уточните термины «гипербола», «гротеск».

Обратите внимание на высказывание Щедрина: «Мир грустен — и я грущу вместе с ним; мир вздыхает — и я вместе с ним вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вместе со мною и читателя». Как вы понимаете слова писателя?

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

¹ *Версия* — рассказ, вариант толкований, объяснений.

² *Сарказм* — язвительная насмешка, ирония, едко-насмешливое замечание.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое? где мы? — воскликнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад,

а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии² и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей»³ и больше ничего!

¹ Школа военных кантонистов — низшая военная школа для солдатских детей.

² Каллиграфия — искусство красивого и четкого письма.

³ «Московские ведомости» — реакционная газета. М. Е. Салтыков-Щедрин издевается над ее бессодержательностью и казенной восторженностью.

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, я и до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишите, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву¹ на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»², и питомец лесов

¹ *Рандеву* — свидание (фр.).

² «Шекснинска стёрлядь золотая» — цитата из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в февраль месяце, земляника...»

— Тыфу ты, господи! да неужто ж ваше превосходительство не может найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан част-

«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Худ. М. Черемных

ный пристав¹ Б.), был в здешнем клубе фестиваль². Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины

¹ Частный пристав — начальник полицейского участка в городе.

² Фестиваль — здесь: пиршество.

навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужчина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужчина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелину; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужчина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужчина дикой конопки, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужчину к дереву, чтоб не убег.

Прошел день, прошел другой; мужчина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются.

«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Худ. Н. Муратов

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение¹, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

¹ *Вавилонское столпотворение* — по библейской легенде, жители Древнего Вавилона пытались построить столб (башню) высотой до неба; в наказание за дерзкую попытку Бог «смешал» их языки, и строители перестали понимать друг друга.

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивает один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!¹

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящичке на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

¹ Чины делились на четырнадцать классов. Высшим был первый класс. Чин четвертого класса в гражданской службе — действительный статский советник. Мундиры чиновников первых четырех классов были украшены золотым шитьем.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

Вопросы и задания

1. Чем интересны диалоги генералов и как они их характеризуют? Как меняется отношение генералов к мужику?
2. Чем отличается щедринский смех, направленный против генералов и мужика? Как автор относится к героям?
3. Как писатель и художники-иллюстраторы, каждый своими средствами, высмеивают беспомощность и никчемность генералов?

Какую роль играют гиперболы, гротеск?

4. Прочитайте приведенное ниже высказывание Салтыкова-Щедрина. Согласны ли вы с писателем?

«...Всякий честный человек, читая мои писания, непременно отождествляет мои чувства и мысли со своими. Это он так чувствует и мыслит, а мне только удалось сойтись с ним сердцами...»

5. Подготовьте инсценированное чтение сказки, передав особый стиль сказки иносказательной и выразив свои чувства по отношению к героям.
6. Прочитайте самостоятельно еще одну сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Дикий помещик». Подумайте, к каким сказкам можно ее отнести — юмористическим или сатирическим. Объясните название сказки и скажите, встречаются ли в ней такие литературные приемы, как гипербола или гротеск. Если да, то с какой целью вводит их автор? Приведите пример. Против каких пороков тогдашнего общества направлена сказка «Дикий помещик»?
7. Подготовьте художественный пересказ сказки или выразительное чтение текста, подчеркнув иронию автора.
8. Попробуйте создать собственную небольшую сказку на одну из школьных тем в духе сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Обогащайте свою речь

1. Какие слова «Повести...» напоминают народные сказки и в то же время как переосмысляются в ней? Например, где стоят и что значат в тексте слова «мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало»?

Подберите синонимы к словам «служили», «примите уверение», «упразднили». Подумайте, с какой целью эти слова используются писателем, что достигается благодаря введению их в текст сказки.

2. Найдите в тексте слова «тунеядец», «тунеядство» и подумайте, какое значение имеют они в каждом случае. Что подчеркивается автором с помощью этих слов?
3. Как вы понимаете приведенные ниже отрывки и какой смысл вкладывается в них писателем:

«— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик»;

«...Сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками».

Известны многие писатели-сатирики, например в Англии — Дж. Свифт, Ч. Диккенс, во Франции — Ф. Рабле, Ж.-Б. Мольер, в России — Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин. «Щедрин, — по справедливому замечанию Горького, — шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал над всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно правдивое, более глубокое и могучее». «С кем боролся сатирик оружием смеха? Почему так боялись Щедрина власть имущие и так любили прогрессивные, демократически настроенные читатели? Каковы те свойства его личности... его творчества, благодаря которым он стал одним из величайших сатириков мира?» — задает нам вопросы литературовед Д. Николаев и размышляет: «Щедрин говорил, что он готов умереть на месте битвы. Его слова звучат как клятва, как завещание... Ничто не могло сломить его волю, его творческий дух... Поэтому и мешал он власть имущим. Поэтому и продолжали его травить. Поэтому и предпринимали разного рода действия, чтобы заставить его замолчать (арестовывали сотрудников журнала, вырезали из готовых книжек журнала по требованию цензуры сказки Щедрина)».

Исследователи подчеркивают, что Щедрин ненавидел самодовольных и равнодушных, он хорошо знал их психологию и мужественно боролся с ними. «Страшны... насилие и грубость, — скажет он, — страшно самодовольное ничтожество, которое ни о чем не хочет слышать, ничего не хочет знать, кроме самого себя. Иногда это ничтожество взбирается на высоту... Тогда действительно становится страшно за все живущее и мыслящее». Пробудить в своих современниках мужество, гражданское достоинство — вот цель сатирика Щедрина. Сам писатель тревожился: «Не напрасно ли трудился я в течение сорока лет? Поймут ли ее (сатиру) как следует? Принесет ли она какую-нибудь пользу?»

1. Подумаем и мы с вами над вопросами, которые мучили писателя: приносят ли пользу его произведения? Не напрасно ли он трудился?
2. Нужна ли сатира обществу и каждому человеку? Чем страшно «самодовольное ничтожество»? В чем заключается общественная роль писателя-сатирика? Как бы вы построили диалог на эту тему для школьного радио?

Литература и изобразительное искусство

- Рассмотрите иллюстрации. Так ли вы представляли себе эпизоды и героев, о которых рассказал Щедрин? На что обращают внимание читателей художники-иллюстраторы?

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Ему было близко все человечество. Но любил он, непобедимой любовью, свою Россию. Ее душу понимал он, как никто; красоту ее природы изображал с совершенством недостижимым.

В. Я. Брюсов

По рождению и воспитанию Лев Николаевич Толстой принадлежал к «высшей помещичьей знати России». Его отец, граф Н. И. Толстой, был участником Отечественной войны 1812 года, мать — урожденная княгиня Волконская.

Его предки были в родстве с Пушкиными, Трубецкими, Голицыными. Семейные предания, рассказы родных

и близких о событиях 1812 и 1825 годов, жизнь в родовой усадьбе оказали на Толстого огромное влияние и оставили заметный след в его творчестве. «Без своей Ясной Поляны, — писал Толстой, — я трудно могу себе представить Россию и свое отношение к ней». Ясная Поляна была его колыбелью. Здесь проходила жизнь семьи, друзей и близких, здесь он видел, как живет народ, здесь познакомился с народными песнями, сказками, легендами, былинами.

Первым произведением Толстого, появившимся в печати, была повесть «Детство», которую высоко оценил Н. Некрасов и напечатал в «Современнике». За «Детством» последовали повести «Отрочество», «Юность», составившие трилогию. В главном герое Николеньке Иртеньеве много автобиографических черт. Его детство, как и детство самого автора, протекает в дворянской усадьбе. Он умен, наблюдателен, обладает необычайно живым воображением, постоянно анализирует свои мысли и поступки. Душа Николеньки открыта всем впечатлениям жизни, но в детские годы дети ограничены узким кругом семьи и не выходят за пределы дворянской усадьбы. Николенька начинает замечать недостатки людей своего круга и приходит к мысли о необходимости исправить пороки людские, и прежде всего исправить самого себя. Но реальная жизнь то и дело разрушает его мечтания, и Николенька постепенно уступает дурному влиянию своей среды, с ее тщеславием, лицемерием, презрением к незнатным людям, равнодушным, а чаще жестоким отношением к слугам и крепостным.

Автор «Детства» и «Отрочества» проявил себя глубоким и тонким мастером, психологом, критика отмечала его исключительную способность передавать тайные, сокровенные мысли и чувства человека.

В «Юности» показаны студенческие годы героя трилогии, его первый разлад с барской средой и стремление сблизиться со студентами, вышедшими из среды, близкой к народу.

Впоследствии Л. Н. Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, затем 20 начальных школ

в окрестных деревнях, написал статьи по вопросам педагогики, создал «Книжки для чтения», составил «Азбуку». Писатель обижался, что эта огромная работа была не замечена. «Меня, — писал он, — хвалили за все, что я написал, но об одном, точно хорошем и полезном, что я сделал, об Азбуке и этих книжках, не сказано в печати ни единого неругательного слова... Но пусть попробует кто-нибудь написать такие же рассказы, то увидит, как трудно даются эти достоинства, состоящие только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого». Многие из рассказов для детей Толстого состоят всего из нескольких строк. А он их переделывал десятки раз, добиваясь предельной простоты и ясности. В течение всей своей жизни изучал произведения устного народного творчества — песни, сказки, былины, легенды, был уверен, что «песни, сказки, былины — все простое — будут читать, пока будет русский язык».

Появление романов «Война и мир», «Анна Каренина» и других произведений Л. Н. Толстого вызвало большое количество отзывов, книг, статей. Известный русский критик В. В. Стасов писал: «Лев Толстой поднялся до такой высокой ноты, какой еще никогда не брала русская литература...»

Имя Толстого еще при жизни писателя приобрело всемирную известность. В наше время Толстой занимает одно из первых мест среди писателей всех стран и народов по числу переводов его произведений на иностранные языки. Своей жизнью и творчеством Толстой связал и соединил «два века» русской литературы. М. Горький сказал: «Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

По К. Н. Ломунову

Вопрос и задание

- Какое значение имела для Толстого Ясная Поляна? Составьте небольшой рассказ на тему «Толстой и Ясная Поляна» или «Толстой и дети» (на выбор).

В один из октябрьских дней 1852 года, во время своей ссылки прочитал Тургенев в журнале «Современник» повесть Льва Толстого «Детство» — первое произведение Толстого, появившееся в печати.

Тургенев сразу же написал Некрасову, редактору этой повести: «Ты прав — это талант надежный... Пиши к нему — и понукай его писать. Скажи ему, если это может его заинтересовать, — что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему».

Так состоялось заочное знакомство Тургенева и Толстого — в тот первый месяц тургеневской ссылки: знакомство, которое вскоре — когда писатели встретились — перешло в дружбу. Она не была безоблачной, доставила обоим писателям не только радость, но и огорчения, однако ни тот ни другой никогда, ни за что не отказались бы от нее в ту пору, в середине 50-х годов.

Тургенев был к тому времени автором «Записок охотника», рассказа «Муму», ряда повестей, пьес, стихотворений; Толстой — повестей «Детство», «Отрочество», кавказских и севастопольских рассказов.

Знаменитые произведения! Ими зачитывались современники писателей. Мы тоже набираемся ума и получаем огромное наслаждение, читая эти рассказы и повести... Поразмышлять над ними (пусть даже над некоторыми) и одновременно представить жизнь их создателей в ту пору — значит сделать попытку проникновения в мир Тургенева и Толстого...

Как ни различны оба писателя, они близки друг другу по силе своей любви к простому русскому человеку и русской природе, по любви к родному языку и вере в великое будущее своего народа. Эта нерасторжимость подтверждается тем, что мы знаем о начале дружбы Толстого и Тургенева; тем, наконец, что их родные места — Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново — находятся совсем рядом, и это небольшое расстояние между ними заставляет нас с каким-то особенным отрадным, волнующим чувством сближать имена Тургенева и Толстого.

И. Ф. Смольников

Детство

(Главы из повести)

Маман

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слезы, смутно видишь их. Это слезы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где выются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платье, в беленьких, обшитых кружевом панталончиках и октавы могла брать только *arpeggio*¹. Подле нее вполупоборот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло еще более строгое выражение, как только вошел Карл Иваныч. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его поклон, продолжала, топая ногой, считать: «Un, deux, trois, un, deux, trois»² еще громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иваныч, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошел прямо к ручке матушки. Она опомнилась, трях-

¹ *Арпеджио* — звуки аккорда, следующие один за другим.

² «Раз, два, три, раз, два, три» (фр.).

нула головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцеловала его в морщинистый висок, в то время как он целовал ее руку:

— Ich danke, lieber¹ Карл Иваныч, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дети?

Карл Иваныч был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, оперся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утонченности, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иваныч, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

— Наденьте, Карл Иваныч... Я вас спрашиваю, хорошо ли спали дети? — сказала мама, подвинувшись к нему и довольно громко.

Но он опять ничего не слышал, прикрыл лысину красной шапочкой и еще милее улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала мама Марье Ивановне с улыбкой, — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мною, мама взяла обеими руками мою голову и откинула ее назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

— Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

— О чем ты плакал?

¹ Благодарю, милый (нем.).

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

— Это я во сне плакал, тамап, — сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сон и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карл Иванович подтвердил мои слова, но умолчал о сне. Поговорив еще о погоде, — разговор, в котором приняла участие и Мими, — тамап положила на поднос шесть кусочков сахару для некоторых почетных слуг, встала и подошла к пальцам, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь к папá, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашел, прежде чем пойдет на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папа. Пройдя комнату, удержавшую еще от времен дедушки название *официантской*, мы вошли в кабинет.

Что за человек был мой отец?

Он был человек прошлого века и имел общий молодежи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула. На людей нынешнего века он смотрел презрительно, и взгляд этот происходил столько же от врожденной гордости, сколько от тайной досады за то, что в наш век он не мог иметь ни того влияния, ни тех успехов, которые имел в свой. Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий.

Большой статный рост, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечом, маленькие, всегда улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, неправильные губы, которые как-то неловко, но приятно складывались, недостаток в произношении — пришептывание, и большая во всю голову лысина: вот наружность моего отца, с тех пор как я его помню, — наружность, с которой

он умел не только прослыть и быть человеком à bonnes fortunes¹, но нравиться всем без исключения — людям всех сословий и состояний, в особенности же тем, которым хотел нравиться.

Он умел взять верх в отношениях со всяким. Не быв никогда человеком *очень большого света*, он всегда водился с людьми этого круга, и так, что был уважаем. Он знал ту крайнюю меру гордости и самонадеянности, которая, не оскорбляя других, возвышала его в мнении света. Он был оригинален, но не всегда, а употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях светскость или богатство. Ничто на свете не могло возбудить в нем чувства удивления: в каком бы он ни был блестящем положении, — казалось, он для него был рожден. Он так хорошо умел скрывать от других и удалять от себя известную всем темную, наполненную мелкими досадами и огорчениями сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждения, и умел пользоваться ими. Конек его были блестящие связи, которые он имел частью по родству моей матери, частью по своим товарищам молодости, на которых он в душе сердился за то, что они далеко ушли в чинах, а он навсегда остался отставным поручиком гвардии. Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по-модному; но зато он одевался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и легкое платье, прекрасное белье, большие отвороченные манжеты и воротнички... Впрочем, все шло к его большому росту, сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и даже слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слезы показывались, и он с досадой оставлял книгу. Он любил музыку, певал, аккомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А..., цыганские песни и некоторые мотивы из опер; но ученой музыки не любил и, не обращая внимания на общее мнение, откровенно говорил, что сонаты Бетховена нагоняют на него сон и скуку и что он не знает

¹ удачливым (фр.).

лучше ничего, как «Не будите меня молоду», как ее певала Семенова, и «Не одна», как певала цыганка Танюша. Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости.

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и неизменные правила, — но единственно на основании практическом: те поступки и образ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствия, он считал хорошими и находил, что так всегда и всем поступать должно. Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость.

Классы

Карл Иванович был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод, и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов, чтобы означить то место, до которого мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же так был расстроен, что решительно ничего не мог делать. Долго бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слез, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать; когда же пришло время говорить их Карлу Ивановичу, который, зажмурившись, слушал меня (это был дурной признак), именно на том месте, где один говорит: «Wo kommen Sie her?»¹, а другой отвечает: «Ich komme vom Kaffee-Hause»², я не мог более удерживать слез и от рыданий не мог произнести: «Haben Sie die Zeitung nicht gelesen?»³. Когда дошло

¹ «Откуда вы идете?» (нем.).

² «Я иду из кафе» (нем.).

³ «Вы не читали газеты?» (нем.).

дело до чистописания, я от слез, падавших на бумагу, наделал таких клякс, как будто писал водой на оберточной бумаге.

Карл Иванович рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, кукольная комедия (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощенья, тогда как я от слез не мог слова вымолвить; наконец, должно быть, чувствуя свою несправедливость, он ушел в комнату Николая и хлопнул дверью.

Из классной слышен был разговор в комнате дядьки.

— Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? — сказал Карл Иванович, входя в комнату.

— Как же-с, слышал.

Должно быть, Николай хотел встать, потому что Карл Иванович сказал: «Сиди, Николай!» — и велед за этим затворил дверь. Я вышел из угла и подошел к двери подслушивать.

— Сколько ни делай добра людям, как ни будь привязан, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? — говорил Карл Иванович с чувством.

Николай, сидя у окна за сапожной работой, утвердительно кивнул головой.

— Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, — продолжал Карл Иванович, поднимая глаза и табакерку к потолку, — что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, как я девять дней, не смыкая глаз, сидел у его постели. Да! тогда я был добрый, милый Карл Иванович, тогда я был нужен; а теперь, — прибавил он, иронически улыбаясь, — теперь *дети большие стали; им надо серьезно учиться*. Точно они здесь не учатся, Николай?

— Как же еще учиться, кажется, — сказал Николай, положив шило и протягивая обеими руками дратвы.

— Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать; а где обещания? где благодарность? Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, — сказал он, прикладывая

руку к груди, — да что она?.. ее воля в этом доме все равно, что вот это, — при этом он с выразительным жестом кинул на пол обрезок кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я стал ненужен: оттого, что я не льщу и не потакаю во всем, как *иные люди*. Я привык всегда и перед всеми говорить правду, — сказал он гордо. — Бог с ними! Оттого, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусок хлеба... не так ли, Николай?

Николай поднял голову и посмотрел на Карла Иваныча так, как будто желая удостовериться, действительно ли может он найти кусок хлеба, — но ничего не сказал.

Много и долго говорил в этом духе Карл Иваныч: говорил о том, как лучше умели ценить его заслуги у какого-то генерала, где он прежде жил (мне очень больно было это слышать), говорил о Саксонии, о своих родителях, о друге своем портном Schönheit и т. д., и т. д.

Я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иваныч, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие.

Вернувшись в классную, Карл Иваныч велел мне встать и приготовить тетрадь для писания под диктовку. Когда все было готово, он величественно опустился в свое кресло и голосом, который, казалось, выходил из какой-то глубины, начал диктовать следующее: «Von al-len Lei-den-schaften die grau-samste ist... haben Sie geschrieben?»¹. Здесь он остановился, медленно понюхал табак и продолжал с новой силой: «Die grausamste ist die Un-dank-barkeit... Ein grosses U»². В ожидании продолжения, написав последнее слово, я посмотрел на него.

— Punctum³, — сказал он с едва заметной улыбкой и сделал знак, чтобы мы подали ему тетради.

Несколько раз, с различными интонациями и с выражением величайшего удовольствия, прочел он это изречение, выражавшее его задушевную мысль; потом задал нам урок

¹ «Из всех пороков самый тяжкий... написали?» (нем.).

² «Самый тяжкий есть Неблагодарность... С большой буквы» (нем.).

³ Точка (лат.).

из истории и сел у окна. Лицо его не было угрюмо, как прежде; оно выражало довольство человека, достойно отмстившего за нанесенную ему обиду.

Было без четверти час; но Карл Иваныч, казалось, и не думал о том, чтобы отпустить нас: он то и дело задавал новые уроки. Скука и аппетит увеличивались в одинаковой мере. Я с сильным нетерпением следил за всеми признаками, доказывавшими близость обеда. Вот дворовая женщина с мочалкой идет мыть тарелки, вот слышно, как шумят посудой в буфете, раздвигают стол и ставят стулья, вот и Мими с Любочкой и Катенькой (Катенька — двенадцатилетняя дочь Мими) идут из сада: но не видать Фоки — дворецкого Фоки, который всегда приходит и объявляет, что кушать готово. Тогда только можно будет бросить книги и, не обращая внимания на Карла Иваныча, бежать вниз.

Вот слышны шаги по лестнице; но это не Фока! Я изучил его походку и всегда узнаю скрип его сапогов. Дверь отворилась, и в ней показалась фигура, мне совершенно незнакомая.

2. Вопросы

1. О чем тревожится Карл Иваныч? Как проявилась его обида во время урока и как воспринимает услышанное Николенька?
2. Какими представляются вам герои этой небольшой главы «Классы» (из повести Л. Н. Толстого «Детство»)? Как характеризуют героя раздумья о Карле Иваныче и об отце?

Наталья Савишна

В половине прошлого столетия по дворам села Хабаровки бегала в затрапезном платье босоногая, но веселая, толстая и краснощекая девка *Наташка*. По заслугам и просьбе отца ее, кларнетиста Саввы, дед мой взял ее в верх — находится в числе женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличалась в этой должности кротостью нрава и усердием. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этом новом поприще она заслужила похвалы и награ-

«Детство». Худ. А. Вестфален

ды за свою деятельность, верность и привязанность к молодой госпоже. Но напудренная голова и чулки с пряжками молодого бойкого официанта пленили ее грубое, но любящее сердце. Она даже сама решилась идти к дедушке просить позволения выйти за Фоку замуж. Дедушка принял ее желание за неблагодарность, прогневался и сослал бедную Наталью в наказание на скотный двор в степную деревню. Через шесть месяцев, однако, так как никто не мог заменить Наталью, она была возвращена в двор и в прежнюю должность. Возвратившись в трапезке из изгнания, она явилась к дедушке, упала ему в ноги и просила вернуть ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И действительно, она сдержала свое слово.

С тех пор Наташка сделалась Натальей Савишной и надела чепец; весь запас любви, который в ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подле матушки заменила ее гувернантка, она получила ключи от кладовой, и ей на руки сданы были белье и вся провизия. Новые обязанности эти она исполняла с тем же усердием и любовью. Она вся жила в барском добре, во всем видела трату, порчу, расхищение и всеми средствами старалась противодействовать.

Когда матан вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ее двадцатилетние труды и привязанность, она позвала ее к себе и, выразив в самых лестных словах всю свою к ней признательность и любовь, вручила ей лист гербовой бумаги, на котором была написана вольная Наталье Савишне, и сказала, что, несмотря на то, будет ли она или нет продолжать служить в нашем доме, она всегда будет получать ежегодную пенсию в триста рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Не понимая причины такого странного поступка, матан немного погодя вошла в комнату Натальи Савишны. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.

— Что с вами, голубушка Наталья Савишна? — спросила матан, взяв ее за руку.

— Ничего, матушка, — отвечала она, — должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что ж, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слез, хотела уйти из комнаты. Матан удержала ее, обняла, и они обе расплакались.

С тех пор, как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, — тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себе: вся жизнь ее была любовь и самопожертвование. Я так привык к ее бескорыстной, нежной любви к нам, что и не воображал, чтобы это могло быть иначе, нисколько не был благо-

дарен ей и никогда не задавал себе вопросов: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, под предлогом необходимой надобности, прибежишь от урока в ее комнату, усядешься и начинаешь мечтать вслух, нисколько не стесняясь ее присутствием. Всегда она бывала чем-нибудь занята: или вязала чулок, или рылась в сундуках, которыми была наполнена ее комната, или записывала белье и, слушая всякий вздор, который я говорил, «как, когда я буду генералом, я женюсь на чудесной красавице, куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выищу родных Карла Иваныча из Саксонии» и т. д., она приговаривала «Да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, на крышке которого снутри — как теперь помню — были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи, — вынимала из этого сундука куренье, зажигала его и, помахая, говаривала:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда ваш покойник дедушка — царство небесное — под турку ходили, так оттуда еще привезли. Вот уж последний кусочек остался, — прибавляла она со вздохом.

В сундуках, которыми была наполнена ее комната, было решительно все. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «Надо спросить у Натальи Савишны», и действительно, порывшись немного, она находила требуемый предмет и говаривала: «Вот и хорошо, что припрятала». В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме нее, не знал и не заботился.

Один раз я на нее рассердился. Вот как это было. За обедом, наливая себе квасу, я уронил графин и облил скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика, — сказала мама.

Наталья Савишна вошла и, увидав лужу, которую я сделал, покачала головой; потом мама сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

После обеда я в самом веселом расположении духа, припрыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна с скатертью в руке, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: «Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня так это обидело, что я разревелся от злости.

«Как! — говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлебываясь от слез, — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говорит мне *ты* и еще бьет меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидела, что я распустил слюни, она тотчас же убежала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждал о том, как бы отплатить дерзкой Наталье за нанесенное мне оскорбление.

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... уж вы меня простите, мой голубчик... вот вам.

Она вынула из-под платка корнет, сделанный из красной бумаги, в котором были две карамельки и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мне. У меня не хватало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда.

Детство

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мамап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так

сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо ее не больше пуговики; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, — говорит мне патап, — ты бы лучше шел наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, — ответишь ей, и неясные, но сладкие грезы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; патап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крепче целую ее руку.

— Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берет меня за шею, и пальчики ее быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу ее запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить

руками ее шею, прижать голову к ее груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? — Она молчит с минуты, потом говорит: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь ее? не забудешь, Николенька?

Она еще нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя ее колени, и слезы ручьями льются из моих глаз, — слезы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придешь наверх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чем они? они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым, — и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолишься о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

Вопросы и задания

1. Какой представляется матушка герою повести «Детство»? Когда ее лицо становилось еще лучше? Каким был отец и что было характерно для него (отношения его с другими людьми, особенности его одежды, отношение к музыке, книгам, умение говорить)?
2. Кажется ли вам характер Натальи Савишны интересным? Почему она решила не брать вольную? Одобряете ли вы ее решение?
3. Как проявляются характеры героев в случае со скатертью и на чьей стороне вы в этой ситуации? Какие совершаются ошибки главным героем и видит ли он их сам?
4. Толстой спрашивает: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?.. Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти?» Что беспокоит Л. Н. Толстого, когда он думает о детстве?
5. Особенностью героя повести «Детство» является то, что он постоянно думает о проявлении своих чувств и часто бывает, по выражению И. Смольникова, «беспощадным к самому себе». Подумайте, всегда ли вы критически оцениваете свои поступки и чувства. Бываете ли вы при этом «беспощадными» к самим себе? Расскажите об одном из таких случаев.

Что больше интересует Толстого — поступок или его нравственный смысл?

6. Рассмотрите иллюстрации. Такой ли вы представляете себе обстановку, быт? Какими бы вы «нарисовали» героев прочитанных вами глав из «Детства»?
7. Объясните слова: «привязанность», «самопожертвование», «сочувствие», «согласие». Опишите дом вашего раннего детства, свои отношения со взрослыми, которые вас радовали или огорчали, введите в рассказ слова, которые вы объяснили.

КАК РАБОТАЛ ТОЛСТОЙ

Редко можно найти среди европейских и, в частности, русских писателей соперника Толстому в упорном труде над своими произведениями. Толстой массу напечатал, но во много раз он больше написал, почти всегда предваряя окончательный текст длинной цепью черновых набросков... Десятки и сотни листов, исписанные для складывавшихся «Детства», «Войны и мира» и т. д., им забраковывались, и работа начиналась сызнова... «Страшная вещь — наша работа. Кроме нас никто этого не знает...» — писал он Фету.

И далее в дневниках: «Выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам, — дело самое трудное, и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достиг того, что должно и можно».

«Нужно писать начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей. Второй раз переписывать, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли. Третий раз переписывать, обрабатывая правильность выражений». Переделка написанного Толстым, как правило, производилась не два раза, как намечено в дневниковой записи, а гораздо больше...

Написанное и исправленное переписывалось обычно не самим Толстым, а его близкими и знакомыми. По мере роста славы Толстого количество переписчиков увеличивалось; с начала 1900-х годов в Ясной Поляне появилась пишущая машинка, облегчившая и вместе с тем умножив-

шая количество копий, непрестанно исправлявшихся Толстым...

Работал Толстой обычно с утра до обеда. «Утром голова особенно свежа», — писал он. Работа Толстого, как правило, была регулярна и систематична... «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразно, то также и их форма». И далее Толстой перечисляет лучшие произведения русской литературы (в том числе свое «Детство»).

Н. К. Гудзий

❶ Вопросы и задания

1. Передайте коротко смысл текстов И. Ф. Смольникова «В середине XIX столетия...» и Н. К. Гудзия «Как работал Толстой». Рассмотрите портрет Толстого. Какой вам представляется личность писателя?
2. Является ли для вас поучительным труд писателя? Прочитайте повесть «Детство» полностью.

❷ Обогащаеме своего рече

1. Выберите из приведенных отрывков повести размышления героя. Подумайте, какие мысли его тревожат, как помогает самосовершенствованию его «беспощадность к самому себе».
2. Подготовьте диалог с одноклассником о героях Л. Н. Толстого.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

1860—1904

...Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни.

М. Горький

Антон Павлович Чехов родился в городе Таганроге. Его дед — крепостной, откупившийся на волю. Отец — мещанин, владевший бакалейной лавкой. «Антон Павлович только издали видел счастливых детей, но сам никогда не переживал счастливого, беззаботного и жизнерадостного детства, о котором было бы приятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный уклад сложился для писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что все свое свободное время он должен был проводить в лавке. Кроме того, на всем лежал отцовский запрет; бегать нельзя было потому, что „сапоги побьешь“; шалить запрещалось оттого, что „балуются только уличные мальчишки“; играть с товарищами — пустая и вредная забава: „товарищи бог знает чему научат...“» — вспоминал брат писателя Александр Павлович Чехов.

Скудная торговля отца не покрывала расходов большой семьи, он разорился, принужден был объявить себя банкротом, вскоре переехал в Москву. А. П. Чехову, учившемуся с 1868 года в гимназии, пришлось с 6 класса вести самостоятельную жизнь, зарабатывая деньги уроками. В гимназии пишет юмористические сценки, очерки, пьесы. В 1879 году он поступил на медицинский факультет Мос-

ковского университета, который закончил в 1884 году. С 1880 года его произведения начинают появляться в печати под псевдонимом Антоша Чехонте¹.

В последующее время Чехов пишет медицинскую диссертацию, занимается врачебной практикой, чаще всего бесплатной, совершает поездку на о. Сахалин, активно участвует в помощи голодающему населению.

Короткая жизнь писателя — всего 44 года — целиком была наполнена работой. В 1884 году вышла из печати его первая книга рассказов. Неподдельное веселье, остроумие, сжатость и силу изображения отметят современники в произведениях писателя. «После выхода в свет „Пестрых рассказов“ (это вторая книга, изданная в 1887 году) имя Антона Павловича Чехова сразу стало известным...» — вспоминал В. Г. Короленко.

В 1892 году Чехов покупает имение Мелихово под Москвой. Здесь он наблюдает жизнь крестьян и ведет среди них большую общественную работу (в качестве врача, попечителя школы). «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке», — пишет он в эти годы. Быстро развивающийся туберкулезный процесс заставил писателя поселиться в Ялте. В 1904 году он уехал лечиться в Германию, где и умер.

Неустанно поиски писателя — это рассказы, водевили, объявления и рекламы, театральные рецензии и пьесы, анекдоты и подписи к рисункам, сценки и очерки. Он сам шутливо признавался: «Кроме стихов и доносов, я все перепробовал». В творчестве раннего Чехова преобладает юмор. Его сатира, в сравнении с Салтыковым-Щедриным, отличается, как правило, мягкостью. Одна из причин этого — в перенесении основной вины при изображении «маленьких людей» на социальные обстоятельства, в осознании тяжести, нелепости самих условий жизни, опреде-

¹ Антоша Чехонте — псевдоним писателя. Вот как он появился: преподаватель Закона Божьего Таганрогской гимназии Покровский любил переименовывать фамилии учеников.

— А ну-ка, Антоша Чехонте, посмотри, как ты знаешь Священную историю, — не раз обращался он к гимназисту Чехову... Подпись «Антоша Чехонте» стояла в течение многих лет под юморесками в «Стрекозе», «Осколках», «Будильнике».

ляющих ложное, недостойное поведение «маленьких людей». Но комизм приобретает злость, бьющий наповал сарказм, когда писатель рисует власть имущих особ.

Писатель избегает отступлений, его рассказы всегда кратки. Он говорил: «В маленьких рассказах лучше недосказать, чем пересказать». Чехов равнодушен к внешней детали. Так, например, перемены внутреннего состояния полицейского надзирателя Очумелова в новелле «Хамелеон» показываются им посредством такой внешней детали, как приказание то снять, то надеть на него пальто.

Искрящийся юмор, громкий смех, сопутствующий ранним произведениям Чехова, все чаще сменяется постановкой наиболее важных нравственных вопросов.

Новаторство Чехова проявилось в умении просто, точно и предельно кратко изображать правду обыденной жизни, так что за смешными мелочами быта, за анекдотическими ситуациями раскрывался глубокий смысл...

А. И. Ревякин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

Бесчисленны высказывания писателей о Чехове. Приведем некоторые из них и постараемся понять, что ценили в его творчестве профессиональные литераторы.

...Благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен. Я помню, что когда я первый раз начал читать Чехова, то сначала он показался мне каким-то странным, как бы нескладным. Но как только я вчитался, так этот язык и захватил меня...

Л. Н. Толстой

...А. П. [Чехов] делился со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения.

Г. И. Россолимо

Прост, точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил. ...Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные, и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

И. А. Бунин

* * *

Он был гостеприимен... Хлебосольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, — у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!

Звал он к себе всегда весело, бравурно, игриво, затейливо, словно отражая в самом стиле своих приглашений атмосферу молодого веселья, которая окружала его...

«Не ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне», — писал он одному из приятелей.

«Какие муки мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете?»...

Изобилие кипящих в нем творческих сил поражало всякого, с кем он в то время встречался...

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? — сказал он Короленко, когда тот только что познакомился с ним. — Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь — это оказалась пепельница, — поставил ее передо мной и сказал:

— Хотите — завтра будет рассказ... Заглавие «Пепельница»...

Всех изумляла тогда именно эта свобода и легкость, с которой бьющая в нем через край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов... С самой ранней юности — лет

десять, двенадцать подряд Чехов работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, выбрасывая горы продукции... он создавал их без натуги, чуть не ежедневно, один за другим: и «Орден», и «Хирургию», и «Канитель», и «Лошадиную фамилию», и мириады других произведений, и в каждом из них... живет его неумолкающий хохот.

К. И. Чуковский

Вопросы

1. Как сочеталась литературная деятельность Чехова с его врачебной практикой, общественной деятельностью попечителя школы?
2. Каким человеком предстает перед нами Чехов, какие особенности его творческой манеры отмечают в своих воспоминаниях писатели?

Хамелеон¹

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным³ крыжовником. Крутом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А...а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок вы-

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Городовой* — нижний чин полицейской охраны в городе.

³ *Конфискованный* — от *конфисковать*; здесь: отобрать, отнять.

совываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашля в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуцай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашля и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дож-

дем... Одною только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная

¹ *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднишь приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопросы и задания

Какие эпизоды, диалоги, поступки героев показались вам смешными, какие — горестными, грустными? Вспомните, как зовут чеховских героев и помогают ли их имена лучше понять героев.

Совершенствуйте свою речь

1. Расскажите, как движется полицейский надзиратель Очумелов, и подумайте, как относится автор к герою, судя по этому описанию. Какие обороты речи полицейского надзирателя кажутся вам смешными?

2. В зависимости от чего меняется отношение Очумелова к Хрюкину и как выражается это в словах, интонации, жестах? Почему рассказ назван «Хамелеон»? Кого из героев можно назвать хамелеоном и какие детали текста (художественные подробности) помогают понять это? Что вы могли бы сказать об Очумелове, Хрюкине, толпе на основании прочитанного рассказа?
3. Как с помощью речи героев определяется их характер?
4. Прочитайте самостоятельно рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник». Подумайте, над чем смеется автор и что его огорчает.

Злоумышленник

Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядиной рубахе и латаных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже нечесанных, путаных волос, что придает ему еще большую, паучью суровость. Он бос.

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-ой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чаво?

— Так ли всё это было, как объясняет Акинфов?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

— Чаво?

— Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

— Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климовские мужики, то есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты живца или выполозка на крючок сажаешь, то нешто он пойдет ко дну без грузила? Вру... — усмехается Денис. — Черт ли в нем, в живце-то, ежели поверху плавать будет? Окунь, щука, налим завсегда на донную идет, а которая ежели поверху плавает, то ту разве только шилишпер схватит, да и то редко... В нашей реке не живет шилишпер... Эта рыба простор любит.

— Для чего ты мне про шилишпера рассказываешь?

— Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдет ловить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

— А то что же? Не в бабки же играть!

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

— Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки не найти... И тяжелая, и дыра есть.

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Избави Господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещенные или злодеи какие? Слава те Господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, Царица Небесная... Что вы-с!

— А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

— Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил Господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Денис зевает и крестит рот.

— В прошлом году здесь сошел поезд с рельсов, — говорит следователь. — Теперь понятно, почему...

— Чего изволите?

— Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошел поезд с рельсов... Я понимаю!

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие давал... Вы вот и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия, хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди, а потом и тащи! Сказано — мужик, мужицкий и ум... Запишите также, ваше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

— Когда у тебя делали обыск, то нашли еще одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и когда?

— Это вы про ту гайку, что под красным сундучком лежала?

— Не знаю, где она у тебя лежала, но только нашли ее. Когда ты ее отвинтил?

— Я ее не отвинчивал, ее мне Игнашка, Семена кривого сын, дал. Это я про ту, что под сундучком, а ту, что на дворе в саях, мы вместе с Митрофаном вывинтили.

— С каким Митрофаном?

— С Митрофаном Петровым... Нешто не слыхали? Невода у нас делает и господам продает. Ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять...

— Послушай... 1081 статья Уложения о наказаниях говорит, что за всякое с умыслом учиненное повреждение железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастье... понимаешь? знал! А ты не мог не знать, к чему ведет это отвинчивание... он приговаривается к ссылке в каторжные работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди темные... нешто мы понимаем?

«Злоумышленник». Худ. В. Пономарев

— Все ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачем врать? Спросите на деревне, коли не верите... Без грузила только уклейку ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдет тебе без грузила.

— Ты еще про шилишпера расскажи! — улыбается следователь.

— Шилишпер у нас не водится... Пущаем леску без грузила поверх воды на бабочку, идет голавль, да и то редко.

— Ну, молчи...

Наступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зеленым сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне идти? — спрашивает Денис после некоторого молчания.

— Нет. Я должен взять тебя под стражу и отослать в тюрьму.

Денис перестает мигать и, приподняв свои густые брови, вопросительно глядит на чиновника.

— То есть как же в тюрьму? Ваше благородие! Мне некогда, мне надо на ярмарку; с Егора три рубля за сало получить...

— Молчи, не мешай.

— В тюрьму... Было б за что, пошел бы, а то так... здорово живешь... За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчет недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина неперменного члена спросите... Креста на нем нет, на старосте-то...

— Молчи!

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что староста набрехал в учете, это я хоть под присягой... Нас три брата: Кузьма Григорьев, стало быть, Егор Григорьев и я, Денис Григорьев...

— Ты мне мешаешь... Эй, Семен! — кричит следовательно. — Увести его!

— Нас три брата, — бормочет Денис, когда два дюжих солдата берут и ведут его из камеры. — Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай... Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хотя и высеки, но чтоб за дело, по совести...

Вопросы и задания

1. Как вы объясните название рассказа? Виновен ли Денис?
2. Подготовьте выразительное чтение по ролям, подчеркнув смешное и горестное в рассказе «Злоумышленник», подумайте над сценарием фильма.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В очерке М. Горького «А. П. Чехов» приводится сцена разговора Чехова с юристом. Прочитайте этот эпизод.

«Другой раз я застал у него молодого, красивенького товарища прокурора. Он стоял перед Чеховым и, потряхивая кудрявой головой, бойко говорил:

— Рассказом „Злоумышленник“ вы, Антон Павлович, ставите передо мной крайне сложный вопрос. Если я при-

знаю в Денисе Григорьеве наличие злой воли, действовавшей сознательно, я должен, без оговорок, упечь Дениса в тюрьму, как этого требуют интересы общества. Но он дикарь, он не сознавал преступности деяния, мне его жалко! Если же я не отнесусь к нему как к субъекту, действовавшему без разума, и поддамся чувству сострадания, чем я гарантирую обществу, что Денис вновь не отвинтит гайки на рельсах и не устроит крушения? Вот вопрос! Как же быть?

Он замолчал, откинул корпус назад и уставился в лицо Антону Павловичу испытующим взглядом. Мундирчик на нем был новенький, и пуговицы на груди блестили так же самоуверенно и тупо, как глазки на чистеньком личике юного ревнителя правосудия.

— Если бы я был судьей, — серьезно сказал Антон Павлович, — я бы оправдал Дениса...

— На каком основании?

— Я сказал бы ему: „Ты, Денис, еще не созрел до типа сознательного преступника, ступай — и дозрей!“

Юрист засмеялся, но тотчас же вновь стал торжественно серьезен и продолжал:

— Нет, уважаемый Антон Павлович, — вопрос, поставленный вами, может быть разрешен только в интересах общества, жизнь и собственность которого я призван охранять. Денис — дикарь, да, но он — преступник, — вот истина!

— Вам нравится граммофон? — вдруг ласково спросил Антон Павлович.

— О да! Очень! Изумительное изобретение! — живо отозвался юноша.

— А я терпеть не могу граммофонов! — грустно сознался Антон Павлович.

— Почему?

— Да они же говорят и поют, ничего не чувствуя. И все у них карикатурно выходит, мертво...»

Вопросы и задания

1. Почему не совпали точки зрения юриста и писателя? Как Горький и Чехов отнеслись к товарищу прокурора?
2. Как вы думаете, что должно измениться в обществе, чтобы поступок Дениса был невозможен?

3. Подготовьте инсценированное чтение рассказа «Злоумышленник», подчеркнув при чтении смешное, наивное в поведении Дениса и горечь, которой окрашен рассказ А. П. Чехова.
4. Какие эпизоды из сказок, повестей, прочитанных вами в классе и дома, вызвали у вас веселый, добродушный смех? Против чего были направлены эти «веселые стрелы смеха»? Чем близки нам рассказы Чехова сегодня?
5. Объясните, какую роль выполняет смех в художественных произведениях, включенных в ваш учебник. Отвечая на этот вопрос, внимательно перечитайте в справочнике по теории литературы раздел, посвященный сатире и юмору. Подготовьте статью для школьного сатирического альманаха в духе произведений Щедрина или Чехова.
6. Из записных книжек А. П. Чехова... Прочитайте, объясните, как вы понимаете эти записи.
«Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас».
«Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу».
Можно ли отнести последнее высказывание к знакомым нам героям? Если да, то к кому?

Литература, живопись, театр, кино

1. Каких иллюстраторов произведений А. П. Чехова вы знаете? Какие произведения Чехова вы видели в театре и в кино? Какие из них показались вам наиболее интересными?
2. К каким чеховским героям можно отнести пословицу «Он из воды сухим выйдет»?
3. Найдите иллюстрации к рассказам «Хамелеон», «Злоумышленник». Какие из них вернее, по вашему мнению, передают характеры героев?
4. Прочитайте самостоятельно рассказы А. П. Чехова «Тоска» и «Размазня». Подумайте, о чем эти повествования, что высмеивает автор в своих героях и кому сочувствует.

«КРАЙ ТЫ МОЙ, РОДИМЫЙ КРАЙ...»

СТИХОТВОРЕНИЯ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Познакомьтесь со стихотворениями русских поэтов о родной природе, подумайте, каким настроением проникнуто каждое из них.

«Исторически сложилось так, что Россия оставалась в XIX веке крестьянской страной. Большинство ее населения жило в деревнях и селах, занималось земледелием и было самым бедным, самым обездоленным классом, — пишет литературовед В. Коровин в предисловии к книге „Поэзия сельской жизни“. — Неурожаи несли с собой голод, болезни и гибель целых губерний (областей), вызывали стихийные бунты, подавляемые правительством. И все-таки духовная жизнь народа никогда не замирала. Защитниками интересов крестьян стали писатели — В. Белинский, М. Салтыков-Щедрин, Н. Некрасов. Крестьянскую Россию, ее заботы, самую душу крестьянина хорошо понимали А. Пушкин и И. Тургенев, М. Лермонтов и Лев Толстой, А. Кольцов и А. Чехов.

Русские писатели, показывая жизнь народа, крестьянскую нужду, тоску мужика по счастливой доле, раскрывали и неисчерпаемые внутренние силы народа, душевное здоровье, бодрость духа, жажду воли и „привычку к труду благородную“.

В поэзии издавна осень, зима, весна и лето всегда означают нечто большее, чем обычные времена года. Они связаны с пробуждением и расцветом жизненных сил, настроениями радости и веселья, грусти и печали.

Родная природа привлекала поэтов своей скромной простотой. В ней нет показной красоты, она полна спокойствия и раздолья, степенности и величия. Чувство любви к родной земле для русского поэта — это вера в народ и его возможности».

Задачи

1. Вспомните, в каких стихотворных и прозаических произведениях вы встречали описания природы и какую роль они выполняли.
2. Прочитайте самостоятельно стихотворения под рубрикой «Край ты мой, родимый край...». Подумайте, какие настроения авторы сообщают нам.
3. Выучите наизусть стихотворения, которые наиболее близки вашим настроениям.

В. А. Жуковский

Приход весны

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

А. К. Толстой

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Благовест

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забытый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

«У ворот монастыря». Худ. А. Саврасов

* * *

Замолкнул гром, шуметь гроза устала,
Светлеют небеса;
Меж черных туч приветно засияла
Лазури полоса.
Еще дрожат цветы, полны водою
И пылью золотой.
О, не топчи их с новою враждою
Презрительной пятой.

И. А. Бунин

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

Вопросы и задания

1. Какие краски используют поэты и художники для описания природы?
2. Прочитайте и другие стихотворения, в которых воспевается красота родного края. Подготовьте их к конкурсному чтению, предварив его небольшим рассказом об авторе.
3. Прочитайте и объясните пословицы, используйте их в своей речи: «Без первой ласточки весна не обходится», «Бывает год, что на день семь погод», «Весна дает цветы, а осень — плоды», «В зимний холод всякий молод», «Лето собирает, а зима поедает», «Лето работает на зиму, а зима на лето». По одной из пословиц подготовьте устное или письменное сочинение.

СОДЕРЖАНИЕ

Читайте не торопясь...	3
------------------------	---

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Предания	7
Былины	11
<i>О собирании, исполнении, значении былин</i>	15
Вольга и Микула Селянинович	17
Садко	24
Карело-финский эпос «Калевала»	36
Пословицы и поговорки	42
<i>Мудрость народов</i>	44

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>О «Повестях временных лет»</i>	51
Из похвалы князю Ярославу и книгам	52
Из «Почужения» Владимира Мономаха	53
Повесть о Петре и Февронии Муромских	54

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Михаил Васильевич Ломоносов	64
К статуе Петра Великого	66
Ода на день восшествия на всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года (<i>Отрывок</i>)	67
Гавриил Романович Державин	68
Признание	69
На птичку	70
Последние стихи Державина	—

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XIX ВЕКА**

Александр Сергеевич Пушкин	72
<i>В творческой лаборатории Пушкина</i>	74
Медный всадник (<i>Отрывок</i>)	77
<i>О летописном источнике «Песни о вещем Олеге»</i>	80
Песнь о вещем Олеге	82
<i>Пушкин-драматург</i>	87
Борис Годунов (<i>Отрывок</i>)	89
<i>О «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина»</i>	97
Станционный смотритель	99
Михаил Юрьевич Лермонтов	114
<i>Как работал Лермонтов</i>	118
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	—
<i>Читатели Лермонтова о своих впечатлениях</i>	136
Молитва	138
Ангел	139
<i>«Когда волнуется желтеющая нива...»</i>	—
Николай Васильевич Гоголь	141
<i>Как работал Гоголь</i>	143
Тарас Бульба (<i>В сокращении</i>)	144
Иван Сергеевич Тургенев	212
<i>«Вся моя биография в моих сочинениях...»</i>	213
Бирюк	214
Стихотворения в прозе	224
Русский язык	—
Близнецы	—
Два богача	225
<i>В творческой лаборатории Тургенева</i>	225
Николай Алексеевич Некрасов	227
<i>О поэме «Русские женщины»</i>	—
Русские женщины	229
<i>«Вчерашний день, часу в шестом...»</i>	245
Размышления у парадного подъезда	—
<i>Из воспоминаний А. Я. Панаевой</i>	249

Алексей Константинович Толстой	251
Василий Шибанов	253
Князь Михайло Решнин	257
<i>Из высказываний Ф. М. Достоевского</i> <i>о М. Ю. Лермонтове.</i>	259
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин	261
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	263
<i>Нужен ли нам Щедрин сегодня?</i>	275
Лев Николаевич Толстой	276
<i>«В середине XIX столетия...»</i>	279
Детство (Главы из повести)	280
<i>Как работал Толстой.</i>	295
Антон Павлович Чехов	297
<i>Из воспоминаний о Чехове.</i>	299
Хамелеон	301
Злоумышленник	306
<i>Литература и жизнь</i>	310
«Край ты мой, родимый край...»	
Стихотворения о родной природе	313
В. А. Жуковский. Приход весны	314
А. К. Толстой. «Край ты мой, родимый край...»	—
Благовест. «Замолкнул гром...»	315
И. А. Бунин. Родина	317

Учебное издание

КОРОВИНА Вера Яновна

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений
с приложением на электронном носителе

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*

Редактор *Е. И. Правоторова*

Художественный редактор *А. П. Присекина*

Художник *Ю. В. Христинич*

Технический редактор *А. Г. Хуторовская*

Корректор *Е. Г. Терскова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 04.05.12. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,42 + 0,42 форз. Тираж 60 000 экз. Заказ № 32854.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

www.sarpk.ru